

УДК 902.01

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.3.171.197>

ХОЗЯЙСТВО НОСИТЕЛЕЙ КАРА-АБЫЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПО МАТЕРИАЛАМ РАБОТ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН НА ПАМЯТНИКАХ У ГОРЫ КУРМАН-ТАУ¹

© 2023 г. С. Л. Воробьева

В статье представлены результаты исследований 2012–2018 гг. на территории археологического микрорайона горы Курман-Тау в Гафурийском районе Республики Башкортостан. Автором были проведены археологические разведки и раскопки на восьми поселенческих объектах, в результате чего был выделен археологический микрорайон. Поселения функционировали с эпохи бронзы (абашевская и алакульская культуры) и до эпохи раннего железа (культура курмантау, кара-абызская культура, гафурийский тип). Материалы были проанализированы палео-почвоведом, остеологами, проведен спектральный анализ металла и споро-пыльцевые анализы. На основе этих данных установлена неоднородность хозяйства в разные периоды функционирования поселенческих памятников микрорайона горы Курман-Тау. В эпоху раннего железа происходит переход от более оседлого образа жизни в эпоху бронзы к полукочевому скотоводству. Но в эпоху поздней бронзы и раннего железа на данной территории одним из главных видов деятельности у носителей культуры курмантау и кара-абызской культуры были металлообработка и бронзолитейное производство. Об этом свидетельствуют находки шлаков, сплесков металла, литейной чаши, литейных форм и других изделий. Результаты работ автора указывают на преемственность в хозяйстве между носителями двух культур на территории Гафурийского района.

Ключевые слова: археология, Республика Башкортостан, кара-абызская культура, эпоха раннего железа, культура курмантау, гафурийский культурный комплекс, абашевская культура, алакульская культура, археологический микрорайон, металлургия, металлообработка, хозяйство.

THE ECONOMY OF THE KARA-ABYZ CULTURE BEARERS BASED ON THE MATERIALS OF THE NATIONAL MUSEUM OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN ARCHAEOLOGICAL EXPEDITIONS ON THE SITES AT THE KURMAN-TAU MOUNTAIN²

S.L.Vorobyeva

The article presents the results of 2012–2018 studies on the territory of the archaeological microdistrict of the mount Kurman-Tau in the Gafuriyskiy district of the Republic of Bashkortostan. The author conducted archaeological reconnaissances and excavations on 8 settlement sites, as a result of which an archaeological microdistrict was identified. The settlements functioned from the Bronze Age (Abashevo and Alakul cultures) to the Early Iron Age (Kurman-Tau culture, Kara-Abyz culture, Gafury type). The materials were analyzed by paleopedologists, osteologists. Spectral analyses of the metal and spore-pollen analyses were fulfilled. Based on these data, the heterogeneity of the economy was determined in different periods of the functioning of the settlements of the Kurman-Tau microdistrict. There was a transition from a more sedentary life during the Bronze Age to semi-nomadic cattle-breeding during the Early Iron Age. One of the activities of the bearers of

¹ Работы выполнены при финансовой поддержке Национального музея Республики Башкортостан, ООО «Научно-исследовательский центр «Наследие», Российского фонда фундаментальных исследований и Фонда Фундаментальных исследований Академии наук Республики Башкортостан (проект № 17-11-02001 "a(p)" «Культурно-исторические процессы и изменения природно-климатических условий в эпоху раннего железа в лесостепном Предуралье»).

² The work was financially supported by the National Museum of the Republic of Bashkortostan, the "Heritage" Research Center LLC, the Russian Foundation for Basic Research and the Fundamental Research of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (project No. 17-11-02001 "a(p)" "Cultural-historical processes and changes in natural-climatic conditions during the Early Iron Age in the Cis-Ural forest-steppe").

the Kurman-Tau culture and the Kara-Abyz culture was metalworking and bronze foundry during the period of Late Bronze – Early Iron Ages in this area. This conclusion is evidenced by findings of slags, metal splashes, a casting bowl, molds and other products. The results of the author's work show continuity in the economy between the bearers of two cultures on the territory of the Gafuriyskiy district.

Keywords: archaeology, Republic of Bashkortostan, Kara-abyz culture, Early Iron Age, Kurman-Tau culture, Gafury cultural complex, Abashevo culture, Alakul culture, archaeological microdistrict, metallurgy, metalworking, economy.

Южное Приуралье в эпоху раннего железа становится центром сложения и развития кара-абызской культуры, выделенной в 60-е гг. XX в. (Пшеничнюк, 1964, с. 97). Вопрос об изучении и выделении кара-абызской культуры рассмотрен автором статьи более подробно в предыдущих исследованиях (Воробьева, 2021). Ключевую роль в формировании кара-абызской культуры сыграли носители городищ и поселений, оставивших памятники на горе Курман-Тау в Гафурийском районе Республики Башкортостан и в ее округе, где автор выделяет археологический микрорайон (Воробьева, 2013, 2014, 2017, 2018а-б, 2021, 2022), подразумевая под этим понятием группу археологических объектов, расположенных в пределах сравнительно ограниченного пространства (экологической ниши), отличающийся при этом единым культурно-хронологическим комплексом памятников, связанных с появлением бронзолитейного производства в пределах микрорайона в эпоху поздней бронзы – раннего железа (стоянка им. М.И. Касьянова). Культурно-хронологические комплексы внутри археологического микрорайона можно рассматривать как этап истории одной или нескольких общностей.

В данной статье подробно будут рассмотрены результаты археологических исследований Национального музея Республики Башкортостан на памятниках у горы Курман-Тау в 2012–2018 гг. Кроме археологических исследований были проведены и естественно-научные изыскания:

– остеологический анализ костей животных выполнен научным сотрудником ГБУ РИКМЗ «Древняя Уфа» А.А. Романовым, костей рыб – ассистентом кафедры физиологии человека и зоологии Башкирского государственного университета А.М. Шевченко;

– полевые палеопочвоведческие наблюдения на раскопке сделаны д.б.н., ведущим научным сотрудником группы генезиса и эволюции почв Института физико-химиче-

ских и биологических проблем почвоведения РАН В.Е. Приходько;

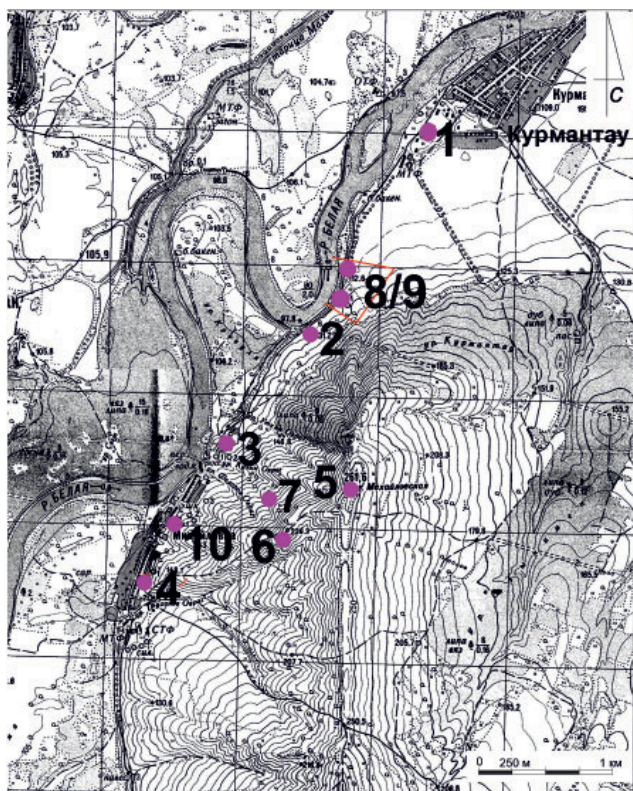
– спорово-пыльцевые анализы отложенных выполнены к.б.н., научным сотрудником Института геологии УФИЦ РАН Р.Г. Курмановым;

– спектральный анализ сплесков металла/шлаков сделан к.и.н., старшим научным сотрудником Уральского отделения РАН С.А. Григорьевым;

– трасологический анализ каменных орудий выполнен к.и.н., главным научным сотрудником ИИЯЛ УФИЦ РАН В.Г. Котовым¹.

Гора Михайловская (топографическое название), получившая у местного населения названия «Курман-Тау»/«Табынская»/«Жертвенная гора», расположена в 26 км к северо-западу от пос. Красноустьинский – райцентра Гафурийского района и в 80 км к юго-востоку от г. Уфы, в предгорной лесостепи у западного края горно-лесной зоны Южного Урала. В результате работ 2012–2018 гг. на этой территории было осмотрено и исследовано 10 памятников археологии (рис. 1).

Археологический микрорайон в окрестностях горы Курман-Тау приурочен к среднему течению р. Белой – возвышенному правому берегу, ограниченному с запада берегом реки, с востока – горой Михайловская (у местного населения получила название «Курман-Тау»/«Табынская»/«Жертвенная гора»), с севера – левым берегом р. Бурлы (приток р. Белой), с юга – южными склонами горы Михайловская. Гора Михайловская – самая высокая возвышенность в округе в системе отрогов уральских гор высотой около 200 м (высотная отметка 261.6). В ландшафтном отношении данная территория относится к лесостепи Южного Приуралья и в физико-географическом плане местность входит в северо-лесостепную подзону лесостепного высокого Заволжья и относится к Укско-Селеукскому округу, примыкает непосредственно к горнолесной зоне Южного Урала. Рельеф представлен увалистой равниной, отдельные

увалы имеют низкоротный характер. К ним относятся г. Магаш, Воскресенская и Курман-Тай.

Первооткрывателем археологических памятников, расположенных на горе Михайловская (Курман-Тай) и в ее окрестностях является уроженец дер. Михайловка краевед М.И. Касьянов, который в 1928–1929 гг. открыл три поселенческих объекта: «Курмантау Нижнее» (Курмантау-2 или стоянка им. М.И. Касьянова), «Курмантау Среднее» (Курмантау-6 или Касьяновское городище) и «Курмантау Верхнее» (Курмантау-5 или Курмантаевское селище). На найденных памятниках он собрал значительный подъемный материал, который сейчас хранится в Национальном музее Республики Башкортостан. Описание этих объектов вошло в Археологическую карту Башкирии (Археологическая карта Башкирии, 1976, с. 146–147). По керамике, полученной в ходе изучения материалов стоянки им. М.И. Касьянова, К.В. Сальниковым была выделена культура курмантау – переходный период от эпохи бронзы к раннему железу в лесостепной зоне Южного Урала. В 1953–1955 гг. была организована башкирская археологическая экспедиция АН СССР под руководством А.В. Збруевой и Г.В. Юсупова, в ходе которой найдены новые объекты

Рис. 1. Карта памятников археологического микрорайона горы Курмантау:

- 1 – Курмантау-1, городище; 2 – Курмантау-2, стоянка;
- 3 – Курмантау-3, городище; 4 – Курмантау-4, стоянка;
- 5 – Курмантау-5, селище; 6 – Курмантау-6, городище; 7 – Курмантау-7, местонахождение; 8/9 – Курмантау-8/9, металлургическая площадка; 10 – Курмантау-10

Fig. 1. Location of the sites in the archaeological micro-district of the mount Kurman-Tau:

- 1 – Kurman-Tau-1, hillfort; 2 – Kurman-Tau-2, site;
- 3 – Kurman-Tau-3, hillfort; 4 – Kurman-Tau-4, site; 5 – Kurman-Tau-5, settlement; 6 – Kurman-Tau-6, hillfort;
- 7 – Kurman-Tau-7, locality; 8/9 – Kurman-Tau-8/9, metallurgical place; 10 – Kurman-Tau-10

(Курмантаевское и Михайловское городища). На всех известных памятниках в это время были организованы археологические раскопки (Юсупов, 1959). В 1954 г. студент заочного отделения исторического факультета Уральского государственного университета (научный руководитель К.В. Сальников), краевед А.П. Шокуров в ходе археологической разведки в Гафурийском районе нашел еще одну стоянку в деревне Михайловка (Михайловская стоянка) (Шокуров, 1954). В 1955 г. Т.Н. Троицкой проведены раскопки нескольких объектов на горе Курман-Тай под руководством К.В. Сальникова (Троицкая, 1954а-б, 1959). Последующее изучение памятников этого компактного микрорайона связано с археологическими раскопками В.А. Иванова, А.Х. Пшеничнюка, И.Б. Васильева и М.Ф. Обыденнова (Иванов, 1976; Васильев, Иванов, 1976; Васильев, Обыденнов, 1977; Пшеничнюк, 1979, 1980). В 2005 г. памятники осматривались Н.Б. Щербаковым и И.А. Шутелевой, в 2008 и 2011 гг. В.В. Овсянниковым и И.Х. Каюмовым в ходе инвентаризаций Гафурийского района (Овсянников, 2009а; Каюмов, 2011). Таким образом, до 2012 г. на участке обследования раскапывались и ранее осматривались только известные памятники, а сплошного обследования данной территории не проводилось.

В результате исследований автора в 2012–2018 гг. в ходе сплошного археологического обследования на этой территории были осмотрены известные ранее памятники и выявлены новые археологические объекты, проведены раскопки металлургической площадки Курмантау-8/9. Были упорядочены названия археологических объектов (табл. 1). Для избегания путаницы вместе с новыми названиями

Таблица. 1. Наименование археологических объектов, расположенных в археологическом микрорайоне горы Курман-Тау
 Table. 1. The name of archaeological sites located in the archaeological microdistrict of the mount Kurman-Tau

№ п/п	Название, присвоенное в 2012 г.	Тип объекта	Когда и кем выявлен	Название, под которым объект был поставлен на государственную охрану	Названия, получившие распространение в археологической литературе	Название, присвоенное в 2011 г.
1	Курмантау-1	городище	1953 г., А.В. Збруева и Г.В. Юсупов	Курмантаевское городище	Городище Курмантаевское	Курмантаево-1
2	Курмантау-2	стоянка	1928 г., М.И. Касьянов	Касьяновская стоянка	Курман-Тау Нижнее, стоянка им. М.И. Касьянова	Курмантаево-2
3	Курмантау-3	городище	1953 г., А.В. Збруева и Г.В. Юсупов	Михайловское городище	Михайловское городище	Курмантаево-3
4	Курмантау-4 ¹	стоянка	1954 г., А.П. Шокуров	Михайловская стоянка	Михайловская стоянка	Курмантаево-4
5	Курмантау-5	селище	1928 г., М.И. Касьянов	Курмантауское селище (Селище Курмантау)	Курман-Тау Верхнее, селище Курмантау, Курмантаевское жертвенное место	Курмантаево-5
6	Курмантау-6	городище	1928 г., М.И. Касьянов	Касьяновское городище	Курман-Тау Среднее, Касьяновское городище, Курман-Тау городище	Курмантаево-6
7	Курмантау-7	местонахождение	2012 г. С.Л. Воробьева	-	-	-
8	Курмантау-8/9	Металлургическая площадка	2012, 2013 гг., С.Л. Воробьева	-	Курмантау-8 и Курмантау-9 поселения	
9	Курмантау-10	поселение	1975 г. В.А. Иванов	-	Михайловское поселение	-

¹ Стоянка Курмантау-4 автором не исследовалась.

всегда указываются старые, т. к. именно они вошли в археологическую литературу.

Курмантау-1, городище (Курмантаевское городище)²

Памятник выявлен в 1953 г. А.В. Збруевой и Г.В. Юсуповым (Юсупов, 1954, с. 4, 39). Городище расположено на пятиметровой надпойменной террасе правого берега р. Белой, на южной окраине с. Курмантау, в 5,8 км к западу от с. Бурлы Гафурийского района Республики Башкортостан (рис. 2). Занимает мыс, ограниченный с запада, юга и востока оврагом, с напольной стороны городище ограничено основанием мыса. На площадке памятника стоит водонапорная башня и расположена лесопилка. По данным Г.В. Юсупова, длина рва была 70 м, высота 1,8 м, ширина 8 м (Юсупов, 1954, с. 4, 39). Памятник исследовался в 1953 г. А.В. Збруевой, а в 1954–1956 гг. – Г.В. Юсуповым

(Юсупов, 1953, с. 18–22; 1954, с. 3–6; 1956б, с. 92, 1959, с. 76–80; Археологическая карта Башкирии, 1976, № 1249, с. 146). До 2013 г. на площадке заложены 4 шурфа размером 2×2 м и раскоп размером 52 кв. м, что составляет примерно 1% от оценочной площади памятника (рис. 2). Вал и ров городища не изучались. Кроме того, за рвом Г.В. Юсуповым выявлен мощный культурный слой (Юсупов, 1956а, с. 4). Исследователями определен двуслойный характер объекта: нижний слой относится к алакульской культуре эпохи бронзы (II тыс. до н. э.) и курмантауской культуре начального периода эпохи раннего железа (начало – середина I тыс. до н. э.); верхний слой – к гафурийскому типу кара-абызской культуры эпохи раннего железа (IV в. до н. э. – II в. н. э.). Г.В. Юсупов датировал материал VI–IV вв. до н. э. (Юсупов, 1959, с. 80). В 2008 и 2011 гг. городище осматривалось В.В. Овсяннико-

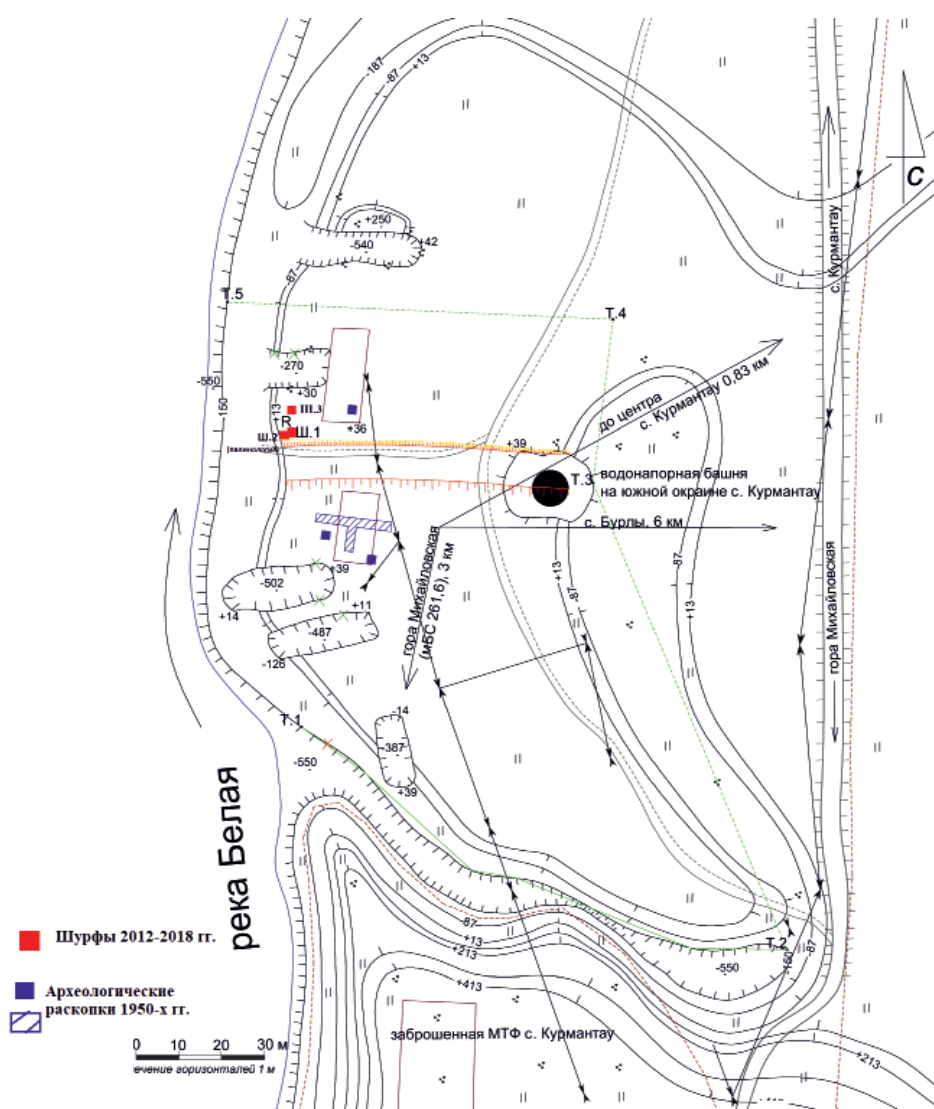

Рис. 2. Топографический план городища Курмантау-1. Автор – С.Л. Воробьева
 Fig. 2. Topographic plan of Kurman-Tau-1 hillfort by S.L. Vorobyeva

вым и И.Х. Каюмовым (Овсянников, 2009а, Каюмов, 2011, с. 20–21, 75–76). Последними сделано заключение, что на момент осмотра памятник полностью разрушен (Каюмов, 2011, с. 20). При этом В.В. Овсянников и И.Х. Каюмов отмечают, что вал сохранился на 0,4 м в высоту (Каюмов, 2011).

Во время визуального осмотра городища в 2012 г. автором в осыпи берега был найден один фрагмент стенки лепного сосуда. При осмотре площадки городища вал и ров, обозначенные Г.В. Юсуповым, визуально не фиксируются. По плану Г.В. Юсупова определено примерное место расположение вала и рва (рис. 2). На момент осмотра памятника в 2012 г. установлено, что городище Курмантау не разрушено. На площадке городища зафиксированы четыре крупные силосные

ямы овальной формы глубиной до 6 м (рис. 2). Вся территория покрыта деградированной луговой растительностью, юго-западная часть мыса со стороны берегового обрыва осыпается.

В 2013 г. на площадке городища заложен один шурф размером 2×1 м за пределами вала и рва городища, в 14 м к востоку от обрывистого правого берега р. Белой, рядом со склоном (рис. 2). Результаты раскопок опубликованы ранее (Воробьева, 2017). Датировка Курмантаевского городища по материалам 2013 г. определяется в пределах IV–III вв. до н. э. Появление городища напрямую связано с приходом в район горы Курман-Тау носителей гафурийского керамического комплекса – пришлых кочевников и с изменениями климата в этот период на всей территории Южного

Урала и Приуралья, а именно – с иридизацией. Здесь выделяются несколько этапов освоения площадки городища:

– обитание носителей «гафурийской керамики» (керамика гафурийского типа с примесью талька), когда основным хозяйством населения было скотоводство: в рационе питания значительную долю играло мясо мелкого рогатого скота (кости крупного рогатого скота отсутствуют). По характеру костных останков («крупные» и «средние» фрагменты преобладают) можно судить о том, что население не испытывало дефицита в мясе. В качестве вспомогательной роли играла охота на пушных зверей. Следы рыболовства не зафиксированы;

– на втором этапе функционирования площадки также преобладает керамика гафурийского типа, но уже с примесью раковины и талька или только раковины. В это время основным хозяйством населения было скотоводство: в рационе питания значительную долю составляло мясо мелкого рогатого скота, лошади, присутствует малое количество костей крупного рогатого скота. По характеру костных останков можно судить о том, что население испытывало дефицит в мясе. Вспомогательную роль играла охота на пушных зверей и рыболовство, о чем говорят не только кости рыб, но и каменное грузило, которое могло использоваться в рыбной ловле;

– на последней стадии функционирования городища на раскопанную площадку выбрасывался «мусор» из очага – зола с костями животных, сломанная посуда, мелкие очажные камни, использованные орудия. Вся керамика представлена сосудами гафурийского типа с примесью раковины. Концентрация находок по скоплениям свидетельствует о выбрасывании их кучками. Этот слой залегает непосредственно под дерном (Воробьева, 2013).

В 2018 г. на площадке городища, на краю террасы был заложен шурф и собраны образцы для спорово-пыльцевого анализа. Глубина шурфа 1,5 м. Результаты исследований, проведенные Р.Г. Курмановым, показали, что ландшафты в период формирования голоценовых отложений периодически менялись. На начальном этапе (алакульская культура эпохи бронзы) на изучаемой территории были распространены открытые пространства, занятые луговой и степной растительностью, в это время территория испытывала незначи-

тельную антропогенную нагрузку. Небольшие участки занимали пойменные и смешанные сосново-березовые леса с примесью липы. Присутствовали влажные (рогоз) и заболоченные участки (сфагнум). В эпоху раннего железа, вероятнее всего до прихода носителей керамики гафурийского типа, на смену открытым пространствам приходят березовые леса. Территория в это время подвергалась сильному вытаптыванию, что выражается в увеличении доли пасквальных видов (горец птичий) и в уменьшении видового разнообразия луговых трав. Берега водоемов занимали ольха, ива и рогоз. С освоением площадки носителями керамики гафурийского типа вновь широкое распространение получают сильно синантропизированные злаково-разнотравные луга. На современном этапе освоения площадки вновь идет увеличение площадей лесных массивов. При этом из состава древостоя выпадает береза и начинают доминировать дуб и сосна. Степень антропогенной нагрузки на территорию, связанной с вытаптыванием, продолжает расти. По берегам водоемов по-прежнему встречаются ивы и кувшинковые.

Курмантау-2, стоянка (стоянка им. М.И. Касьянова)

Памятник выявлен в 1953 г. А.В. Збруевой и Г.В. Юсуповым (Юсупов, 1953, с. 2–3). Стоянка расположена на высокой (14 м) коренной террасе правого берега р. Белой, в 1 км к юго-западу от водонапорной башни с. Курмантау, в 7,3 км к западу (с небольшим отклонением на юго-запад) от с. Бурлы Гафурийского района, у подножья урочища Курман-Тау и горы Михайловская. Через площадку памятника проходит грунтовая дорога из с. Курмантау, которая идет вдоль правого берега р. Белой (рис. 2).

Памятник исследовался в 1953–1954 гг. Г.В. Юсуповым и А.В. Збруевой. Ими были заложены два раскопа общей площадью 180 кв. м (Юсупов, 1953, с. 2–3; 1954; 1956б, с. 85–86; Археологическая карта Башкирии, 1976, № 1252, с. 147). В 1975–1976 гг. на памятнике работали экспедиции под руководством И.Б. Васильева и В.А. Иванова. В этот период было исследовано 704 кв. м (Васильев, Иванов, 1976, с. 161; Васильев, Обыденнов, 1977, с. 133). Культурный слой толщиной 40 см насыщен золой. Было обнаружено три очага диаметром 0,8–1,0 м, десять хозяйственных ям такого же диаметра, глуби-

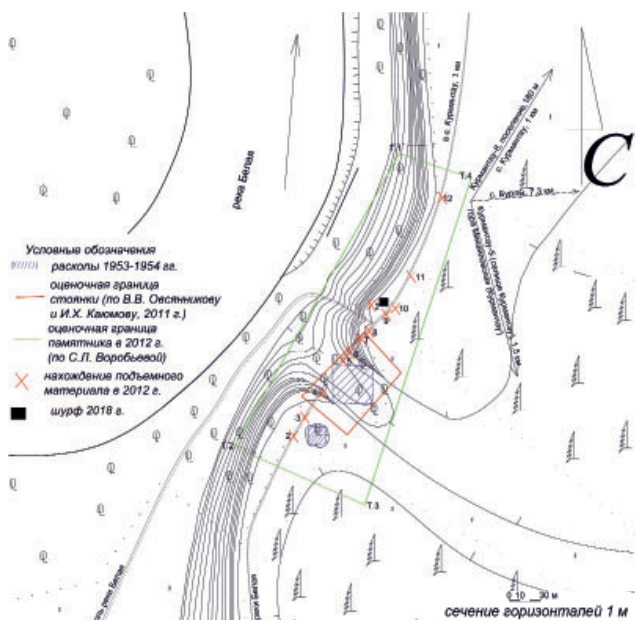

Рис. 3. Топографический план стоянки Курмантау-2.

Автор – С.Л. Воробьева

Fig. 3. Topographic plan of Kurman-Tau-2 site
by S.L. Vorobyeva

ной до 1 м, и остатки двух слабо углубленных в землю жилищ размерами около 10×6 м. В ходе раскопок собрана коллекция керамики курмантауской культуры эпохи финальной бронзы (конец II – начало I тыс. до н. э.), каменных орудий и отщепов, костей животных; найдены медное шило и бляшка (Археологическая карта Башкирии, 1976, № 1252, с. 147). В южной части стоянки в одном из шурфов найден железный меч сарматского типа с прямым навершием без перекрестия. Его сопровождала керамика кара-абызской культуры эпохи раннего железа (IV в. до н. э. – IV в. н. э.) (Васильев, Иванов, 1976, с. 161). Стоянка осматривалась В.В. Овсянниковым и И.Х. Каюмовым (Каюмов, 2011, с. 22–24, 81–83). Исследователями была отмечена оценочная граница памятника (рис. 2).

На момент осмотра в 2012 г. установлено, что центральная часть стоянки частично разрушена небольшим оврагом (глубиной 2 м), в котором зафиксированы следы старого раскопа (рис. 2). В 20 м к северо-западу от оврага зафиксирован еще один старый раскоп, представляющий собой углубление подквадратной формы размером 23×25 м и глубиной 0,2 м. Остальная территория хорошо задернована, южная часть стоянки засажена хвойными деревьями (рис. 2). Был собран подъемный материал: керамика культуры курмантау и кремневые орудия (рис. 3).

В 2018 г. для анализа споро-пыльцевых отложений на объекте был заложен шурф размером 1×1 м и Р.Г. Курмановым определено, что растительность в период формирования голоценовых отложений (слой культуры курмантау) была представлена лесостепными и лесными ландшафтами. На начальном этапе на изучаемой территории, вероятно, были распространены опушки липовых лесов. Позже площади липняков постепенно увеличивались. Открытые безлесные пространства появляются уже в более позднее время (вероятнее всего, в IV–III вв. н. э.) и занимают их представители лугово-степного разнотравья и синантропной флоры. Встречались небольшие влажные (ива) и заболоченные участки (сфагнум). Единичные находки пыльцы и спор более позднего периода времени также характеризуют распространение широколиственных лесов и синантропизированных луговых и степных сообществ.

Все известные материалы стоянки им. М.И. Касьянова относятся к культуре курмантау эпохи финальной бронзы – раннего железа. Основу хозяйства составляло молочно-мясное скотоводство: мясо крупного рогатого скота, лошади и свиней было основным в рационе питания при совсем незначительном количестве мяса мелкого рогатого скота (Васильев, Иванов, Обыденнов, 1985, с. 39).

Курмантау-3, городище (Михайловское городище).

Городище расположено на краю высокой (17 м) коренной террасы правого берега р. Белой, в 1,6 км к юго-юго-западу от с. Курмантау, в 8 км к юго-западу от с. Бурлы Гафурийского района, в 0,9 км к северо-западу от горы Михайловская (вершина горы), в 0,2 км к востоку от р. Белой (рис. 5, 6). Площадка памятника с трех сторон (восток, юг, север) окружена кольцевым валом. Края вала выходят на край террасы. Склон террасы крутой, хорошо задернован. Вал полукруглой формы, сильно оплыл. Высота вала от современной поверхности 0,4–0,6 м, ширина – 0,9–1,0 м, поверхность хорошо задернована. Площадка городища пологая, хорошо задернована, сильно нарушена ямами от поздних хозяйственных построек бывшей дер. Михайловки.

Памятник открыт в 1953 г. Г.В. Юсуповым, который заложил на площадке городища разведочный шурф 1×1 м (Юсупов,

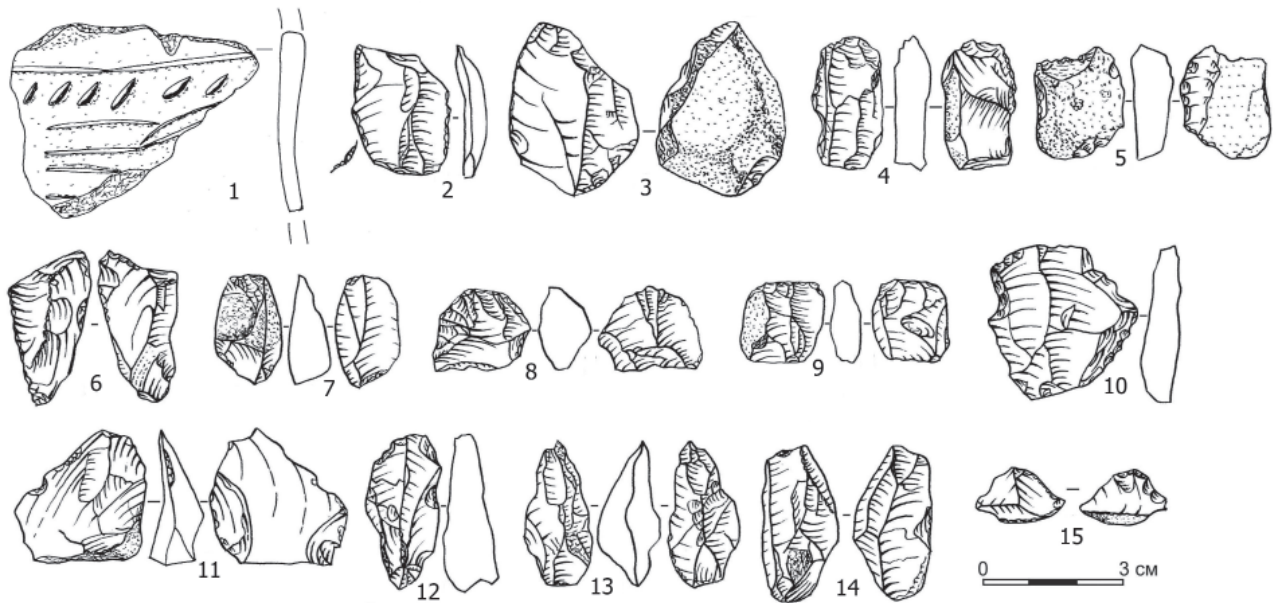

Рис. 4. Археологические находки со стоянки Курмантау-2 в 2012 г.:

1 – венчик лепного сосуда с орнаментом, 2 – орудие с ретушью; 3–15 – кресало; 1 – керамика; 2–15 – кремь

Fig. 4. Archaeological finds from the Kurman-Tau-2 site in 2012:

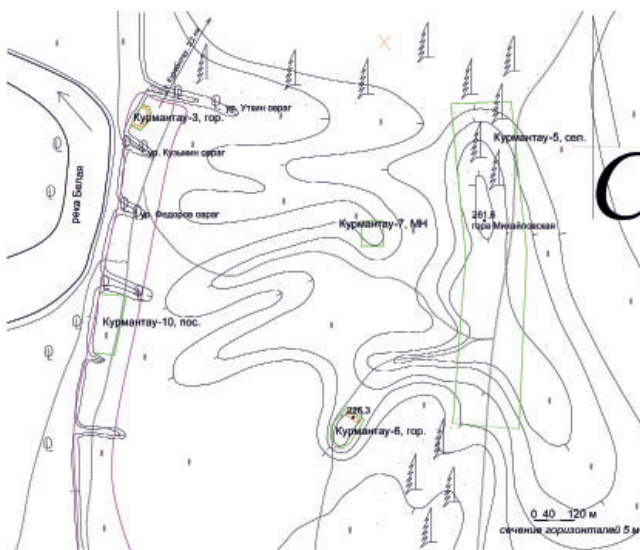
1 – rim of a hand-made vessel with an ornament; 2 – a retouched tool; 3–15 – fire-lighter; 1 – ceramics; 2–15 – flint

1953; Юсупов. 1956а, с. 89–90). В 1955 г. Т.Н. Троицкой заложен раскоп площадью 60 кв. м на валу городища (Троицкая, 1959, с. 88–96), а в 1975 г. В.А. Ивановым на северной части площадки памятника заложено два раскопа (Васильев, Иванов, 1976, с. 161). В 1979 г. А.Х. Пшеничнюком заложен еще один раскоп на валу городища (Пшеничнюк, 1979; 1983, с. 89–94). Всего в разные годы было исследо-

вано 165 кв. м, что составляет 3,5% от оценочной площади памятника.

Городище осматривалось в 1990 г. А.Х. Пшеничнюком (История культуры ..., 1996, № 206, с. 163), в 2000, 2008 и 2011 гг. В.В. Овсянниковым и И.Х. Каюмовым (Овсянников, 2009а, Каюмов, 2011).

К моменту осмотра памятника в 2012 г. площадка и вал городища были хорошо задернованы, западная часть мыса разрушается. Непосредственно на площадке зафиксировано четыре поздних ямы разных размеров (от 3,6×3,5 м до 1,5×2 м), две ямы расположены рядом с валом городища. Раскопы предыдущих лет, как и поздние ямы, заросли бурьяном. В яме № 3 на валу городища обнаружен грабительский вкоп (рис. 6), а в яме № 1 на внутренней площадке памятника найден фрагмент стенки лепного сосуда с примесью раковины и органики в тесте размером 3×2,5 см. По архивным данным была проведена оценочная граница археологического объекта (рис. 6).

Условные обозначения
 — остатки дер. Михайловка
 — граница археологических объектов
 — вал на городищах
 — местонахождение венчика чужужно котла

Названия памятников:
 Курмантау-3, городище (Михайловское городище)
 Курмантау-5, селище (Курман-Тай Верхнее, селище Курмантау, Курмантаевское жертвенное место)
 Курмантау-6, городище (Курман-Тай Среднее, Касьяновское городище, Курман-Тай городище)
 Курмантау-7, местонахождение
 Курмантау-10, поселение (Михайловское поселение)

Рис. 5. Топографический план археологических объектов А.Х. Пшеничнюка (Пшеничнюк, 1983, рис. 1, с. 78), дополнен С.Л. Воробьевой в 2012 г.

Fig. 5. Topographic plan of archaeological objects by A.Kh. Pshenichnyuk (Pshenichnyuk, 1983, fig. 1, p. 78), supplemented by S.L. Vorobyeva in 2012.

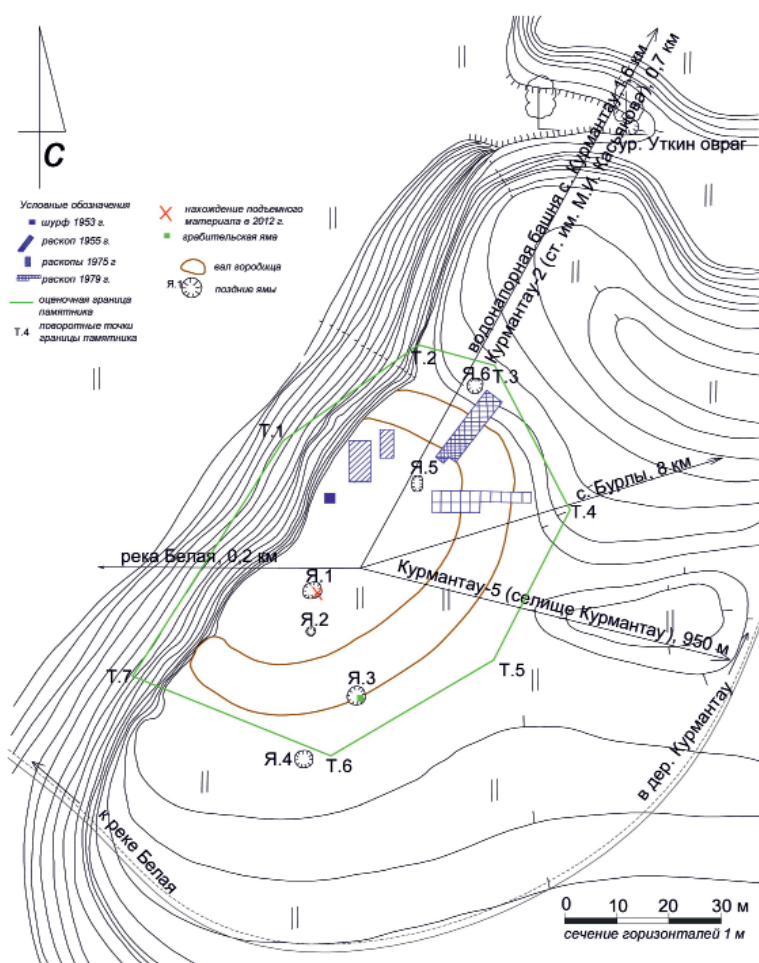

Рис. 6. Топографический план городища Курмантау-3. Автор – С.Л. Воробьева

Fig. 6. Topographic plan of the Kurman-Tau-3 settlement by S.L. Vorobyeva

Культурный слой памятника наиболее насыщен с внутренней стороны вала и достигает 50–70 см, а у края площадки – 20–30 см. В валу прослежены сгоревшие деревянные конструкции. Основную массу находок составляют фрагменты лепных сосудов кара-абызской культуры эпохи раннего железа. Немногочисленную серию сосудов представляют фрагменты ананьинской керамики и керамики гафурийского типа эпохи раннего железа. А.Х. Пшеничнюк при изучении городища предположил, что первоначально площадка поселения была окружена деревянным укреплением, которое сгорело, а на его месте был насыпан вал, с внешней стороны вырыт неглубокий ров (Пшеничнюк, 1983, с. 92). В целом городище датируется IV–III вв. до н. э. (Пшеничнюк, 1983, с. 94).

Курмантау-5, селище (селище Курмантау)

Селище расположено на вершине горы Михайловская (рис. 3; 4; 28). Гора Михайлов-

ская (Курман-Тау, высотная отметка 261,6), расположенная на правом берегу р. Белой, представляет собой одну из грив высотой около 200 м в системе отрогов Уральских гор. Селище находится в 2,1 км к востоку от правого берега р. Белой, в 2,6 км к югу – юго-востоку от с. Курмантау и в 7,2 км к юго-западу от с. Бурлы Гафурийского района Республики Башкортостан (рис. 7). Памятник занимает вершину возвышенности, на которой еще в 2011 г. был установлен триангуляционный пункт. Площадка селища вытянута по линии север – юг, склоны покатые, хорошо задернованы. Ранее как склоны, так и поверхность горы Михайловская распахивались. До распахивания вся территория была покрыта лесом, на поверхности имелись источники, которые высохли после вырубке леса (Юсупов, 1959, с. 59) Сейчас на вершине горы начинается лесополоса хвойных деревьев.

Памятник открыт в 1928 г. краеведом М.И. Касьяновым и был назван им «Курмантау

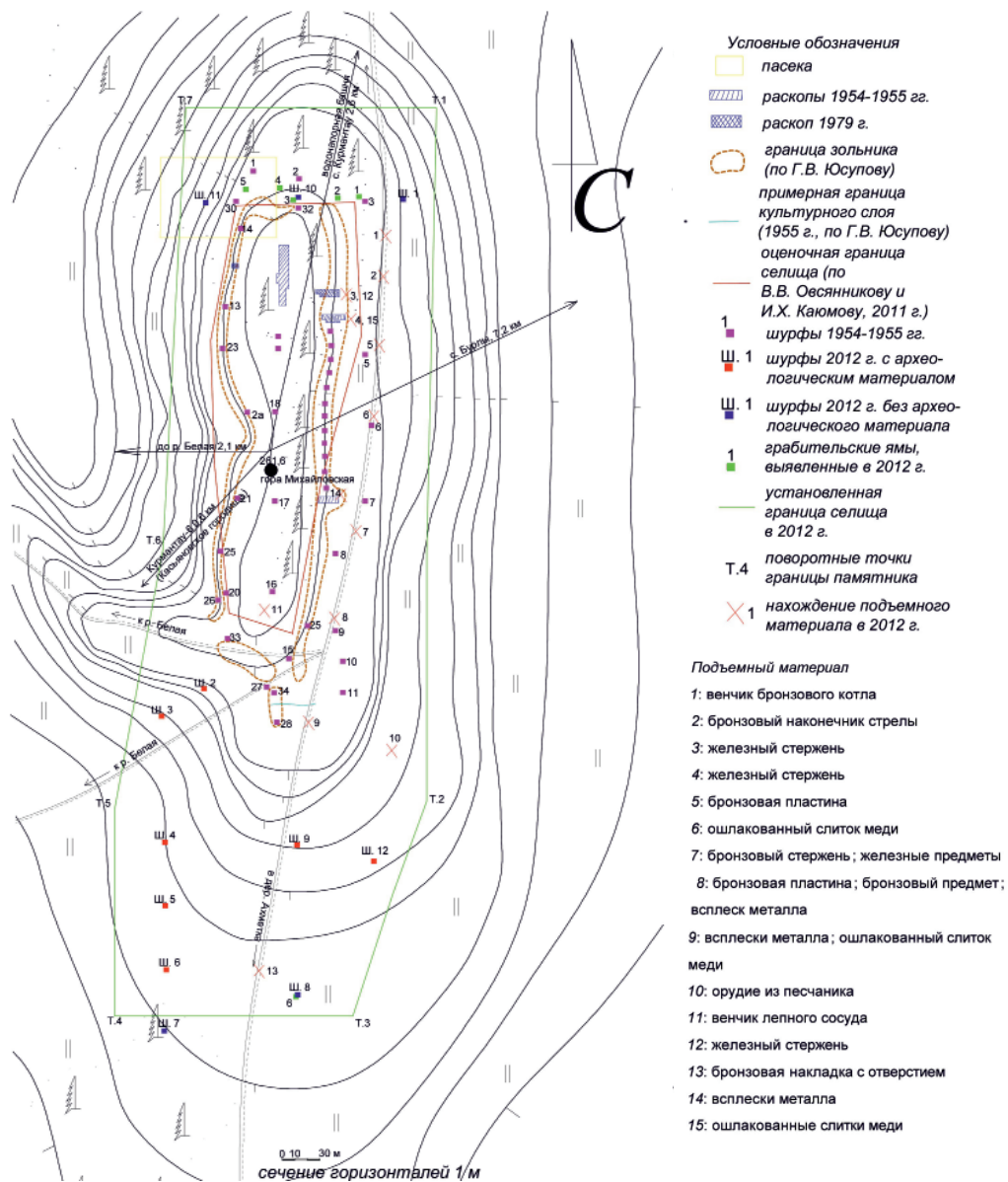

Рис. 7. Топографический план селища Курмантау-5. Автор – С.Л. Воробьева

Fig. 7. Topographic plan of the Kurman-Tau-5 settlement by S.L. Vorobyeva

Верхнее» (Археологическая карта Башкирии, 1976, № 1250, с. 146–147; История культуры ..., 1996, № 204, с. 161–162). В 1953–1955 гг. селище исследовалось Г.В. Юсуповым (Юсупов, 1953; 1954, с. 4–9; 1955; 1956, с. 86–88; 1959, с. 58–64). На селище им заложено три раскопа и 41 шурф размером 2×2 м. Г.В. Юсупов зафиксировал на возвышенности зольник, идущий по краю центральной площадки, а с помощью разведочных шурфов он определил границу распространения культурного слоя (рис. 7). В 1979 г. А.Х. Пшеничнюком на селище заложены один раскоп (Пшеничнюк, 1979; 1983, с. 78–81). В разные годы исследовано 792 кв. м.

Раскопки селища показали, что по краям площадки памятника имеется мощный золь-

ник. Культурный слой достигает толщины 50–60 см, богат насыщен расколотыми костями животных и фрагментами лепной керамики кара-абызской, ананьинской культур и гафурийского типа эпохи раннего железа. Выявлены остатки трех очагов наземных жилищ. Из вещевого материала найдено много костяных изделий для обработки кожи, глиняных пряслиц, бронзовых наконечников стрел, по которым памятник датируется IV–III вв. до н. э. (Пшеничнюк, 1983, с. 81).

Кроме материалов, полученных в ходе раскопок, известны единичные находки, происходящие с селища Курмантау: железный сарматский меч, бронзовые наконечники стрел, костяной гарпун, костяной нако-

нечник стрелы (Юсупов, 1956, с. 88; 1959б, с. 60, табл. 1; НМ РБ. ОФ 4564), изделия в зверином стиле (Овсянников, 2009б, рис. 80, с. 237). Селище осматривалось в 2000, 2008 и 2011 гг. В.В. Овсянниковым и И.Х. Каюмовым (Овсянников, 2009а, Каюмов, 2011, с. 13–15, 60–62). Исследователи определили по архивным данным оценочную границу памятника (рис. 7). Осмотр площадки памятника в 2012 г. показал, что за пределами этой оценочной границы имеются многочисленные грабительские ямы. Пять ям были расположены на северной площадке селища, рядом с временной пасекой, в лесу. Ямы представляют собой раскопы, ориентированные по сторонам света, засыпанные землей. Судя по задерновке, они были сделаны не ранее июня 2012 г. Размеры грабительских раскопов: № 1 – 3×3 м, № 2 – 2,6×1,4 м, № 3 – 2,5×3 м, № 4 – 3×1,5 м, № 5 – 2×1,5 м.

На поверхности селища с помощью металлодетектора и визуального осмотра выкидов земли из грабительских ям собран подъемный материал: венчик бронзового котла (рис. 8: 4); бронзовый наконечник стрелы с выступающей втулкой и шипами, трехлопастной (рис. 8: 6); железный стержень с заостренным концом, прямоугольный в сечении (рис. 8: 1); бронзовый стержень с заостренным концом, прямоугольный в сечении (рис. 8: 2); фрагмент бронзового ножа размером (рис. 8: 7); железный предмет неизвестного назначения в виде пластины (рис. 8: 6); бронзовый стержень с заостренным концом, прямоугольный (рис. 9: 9); железный предмет неизвестного назначения (рис. 9: 7); железный предмет неизвестного назначения (рис. 9: 8); фрагмент бронзового ножа (рис. 9: 5); бронзовый предмет неизвестного назначения (рис. 9: 10); венчик лепного слабопрофилированного лепного сосуда с орнаментом, с примесью песка и талька в тесте, с воротничком (рис. 12: 1); железный стержень – шило (?), прямоугольное в сечении (рис. 8: 3); бронзовая накладная с отверстием, подквадратной формы с закругленными краями и выпуклинками в центре, по краям орнаментирована точечными вдавлениями (рис. 8: 5); сплески металла (рис. 9: 1–4, 11–12); ошлакованные слитки меди; стенки сосудов (рис. 11: 2–8).

Распространение подъемного материала на плане селища показало, что культурный слой памятника выходит за пределы оценочных

границ Г.В. Юсупова (1959 г.), В.В. Овсянникова и И.Х. Каюмова (2011 г.). Поэтому необходимо было установить точные границы памятника. Если с востока площадку ограничивает естественный рельеф местности – здесь начинается резкий склон, то с запада, севера и юга границы распространения культурного слоя не определены. В соответствии с методикой проведения археологических работ, была брошена серия поисковых шурфов, т. к. на поверхности встречались мельчайшие обломки костей животных. Результат показал наличие здесь культурного слоя. Всего было заложено 12 шурфов размером 1×1 м, ориентированных по сторонам света (рис. 7):

на северной площадке – рядом с грабительскими раскопами (3 шурфа – № 1, 10, 11);

на восточной площадке – на расстоянии 8 и 70 м от полевой дороги (3 шурфа – № 8, 9, 12);

на южной площадке – на равном расстоянии друг от друга (50 м) (6 шурфов – № 2–7).

Из 12 шурфов на селище Курмантау-5 происходит 64 фрагмента керамики (табл. 6), которая представлена венчиками и стенками с примесью песка (75%), раковины (4,6%), песка и раковины (1,5%), дресвы и органики (9,3%), органики (4,5%), песка и органики (1,5%), песка и шамота (1,5%). Орнамент на сосудах представлен пояском насечкообразных вдавлений (рис. 80: 2; 87: 1, 3; 88: 1, 3; 79: 4) и гребенчатым штампом по шейке сосуда (рис. 87: 4; 88: 4; 129: 2; 130: 2). Керамика преимущественно происходит из первого горизонта и относится к кара-абызской культуре и эпохе раннего железа.

Остеологический материал представлен 53 фрагментами костей животных, из которых 25 – обожженные кости, 28 – необожженные кости. Кости также преобладают на первом горизонте.

Культурный слой мощностью 10–50 см состоит из гумусированной супеси с включением мелкого и среднего галечника. Подстилающий материк – светло-коричневый песок с включением галечника или плотный суглинок.

Таким образом, заложенные шурфы за пределами границы селища Курмантау-5 показали, что площадь памятника намного больше, чем было установлено ранее в ходе раскопок Г.В. Юсупова и А.Х. Пшеничнюка. По распространению культурного слоя в шурфах 2012 г. и по собранному подъем-

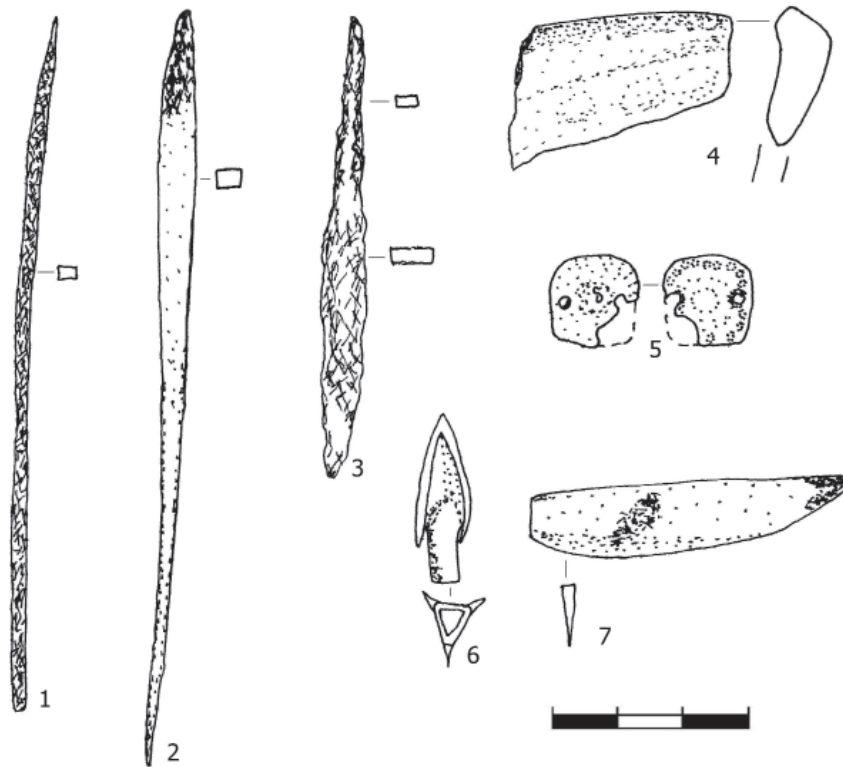

Рис. 8. Археологические находки с селища Курмантау-5: 1–3 – стержни – шилья; 4 – венчик бронзового котла; 5 – накладка; 6 – наконечник стрелы; 7 – нож; 1, 3 – железо; 2, 4–7 – бронза
Fig. 8. Archaeological finds from the Kurman-Tau-5 settlement: 1–3 – rods-awls; 4 – bronze cauldron rim; 5 – overlay; 6 – arrowhead; 7 – knife; 1, 3 – iron; 2, 4–7 – bronze

Таблица 2. Селище Курмантау-5. Распределение керамики по горизонтам в шурфах
Table 2. Kurman-Tau-5 settlement. Location of ceramics by horizons in pits

	Вид фрагмента			Примесь								
	Венчик	Стенка без орнамента	Стенка с орнаментом	Песок	дерева	Дерева и песок	Раковина	Песок и раковина	Дерева и раковина	Органика	Песок и органика	Песок и шамот
Гор.1	9	43	2	43	-	-	1	1	6	3	1	1
Гор.2	-	12	-	5	1	1	2	-	-	-	-	-
Итого	9	55	2	48	1	1	3	1	6	3	1	1

Таблица 3. Селище Курмантау-5. Распределение костей по горизонтам в шурфах
Table 3. Kurman-Tau-5 settlement. Location of bones by horizons in the pits

	Обожженные кости	Необожженные кости
Гор.1	22	19
Гор.2	3	9
Итого	25	28

ному материалу была установлена граница селища (рис. 7). Граница памятника вытянута по линии север – юг. Общие размеры: 725 × 240 м, примерная площадь 174 000 м² (около 17 гектаров). Площадка хорошо задернована, на поверхности имеются неровности от

следов бывшей пашни. Следовательно, верхний слой памятника переотложен. На севере, востоке и западе граница проходит по склонам горы Михайловская, на севере она тянется узкой полосой по хребту. На 2012 г. изучено примерно 4,6% от общей площади селища.

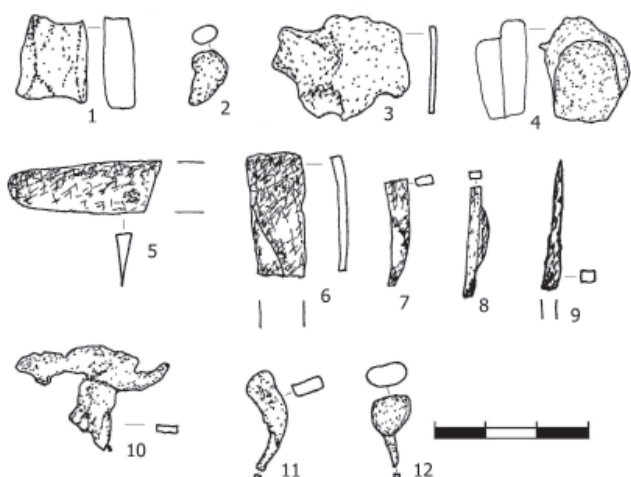

Рис. 9. Археологические находки с селища Курмантау-5: 1–4, 6, 11, 12 – слески металла; 5 – нож; 7, 8, 10 – предметы неизвестного назначения, 9 – стержень-шило; 1–5, 9–12 – бронза; 6–8 – железо.

Fig. 9. Archaeological finds from the Kurman-Tau-5 settlement: 1–4, 6, 11, 12 – metal splashes; 5 – knife; 7, 8, 10 – objects of unknown purpose; 9 – rod-awl; 1–5, 9–12 – bronze; 6–8 – iron.

Бронзовые слески металла, происходящие из подъемного материала, были отданы на спектральный анализ С.А. Григорьеву (г. Челябинск).

С поселения Курмантау-5 взято четыре образца (№ 2233–2235)³ для спектрального анализа, представленных небольшими бесформенными и тяжелыми кусками с ошлакованной поверхностью (рис. 11). На некоторых из них на поверхности выступали небольшие включения медной зелени. При изготовлении аншлифов и отборе проб на химический анализ выяснилось, что образцы являются ошлакованными слитками меди, которые получены, вероятно, при литье металла.

Два образца (№ 2235, 2236) представлены чистой медью с отсутствием заметных посторонних включений. Для получения более полной информации по этим образцам требу-

Рис. 10. Археологические находки с селища Курмантау-5: 1 – нож (шурф № 2); 2, 3 – венчики лепных сосудов (2 – шурф № 3; 3 – шурф № 4); 4 – стенка лепного сосуда с орнаментом (шурф № 4); 1 – железо; 2–4 – керамика.

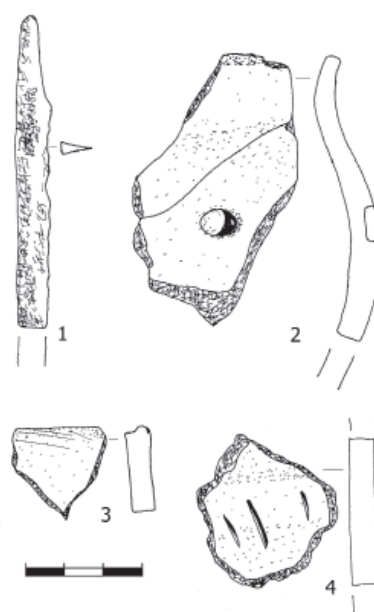
Fig. 10. Archaeological finds from the Kurman-Tau-5 settlement: 1 – knife (pit No. 2); 2, 3 – hand-made vessels rims (2 – pit No. 3; 3 – pit No. 4); 4 – wall of a hand-made vessel with an ornament (pit No. 4); 1 – iron; 2–4 – ceramics.

ется металлографическое исследование. На селище Курмантау-5 практиковалась металлообработка меди.

Таким образом, материалы, полученные в 2012 г., позволяют сделать вывод о том, что селище Курмантау-5 являлось металлургическим комплексом в эпоху раннего железа. Об этом свидетельствуют находки слесков бронзового металла, ошлакованные слитки меди и их спектральный анализ. В эпоху раннего железа на памятнике занимались металлообработкой. Следов выплавки меди на данный момент не найдено. Памятник датирован Г.В. Юсуповым и А.Х. Пшеничнюком IV–III вв. до н. э. (Пшеничнюк, 1983, с. 81). Коллекция 2012 г. не противоречит этой дате.

Курмантау-6, городище (Касьяновское городище).

Городище расположено на мысовидном отроге возвышенности правого берега р. Белой (высотная отметка 261,6), на южном отроге западного склона горы Михайловская, в 0,6 км к юго-западу от вершины горы, в 1 км к востоку от р. Белой, в 1 км к юго-востоку от городища Курмантау-3 (Михайловское городище), в 2,5 км к юго-западу от южной окраины с. Курмантау и в 8,3 км к юго-западу от с. Бурлы Гафурийского района (рис. 13). Площадка памятника, имеющая форму мыса, вытянута по линии северо-запад – юго-восток. С юга, юго-запада и юго-востока городище ограничено крутыми склонами, с северо-запада – валом. Длина вала 100 м, ширина – 12 м, хорошо задернован. Перед валом фиксируется

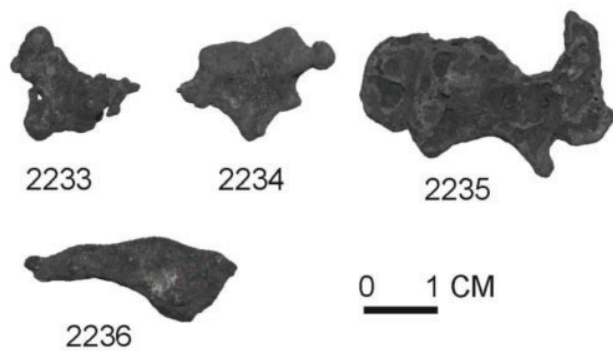

Рис. 11. Ошлакованные слитки меди с селища Курмантау-5, которые подверглись спектральному анализу в химической лаборатории Челябинской геолого-съёмочной экспедиции (номера присвоены в лаборатории)

Fig. 11. Slagged copper ingots from the Kurman-Tau-5 settlement that underwent spectral analysis in the chemical laboratory of the Chelyabinsk Geological Survey Expedition (numbers assigned in the laboratory)

слабовыраженный ров. Через площадку городища проходит полевая дорога (с. Курмантау – берег реки Белой).

Памятник открыт в 1928 г. краеведом М.И. Касьяновым и был назван им «Курмантау Среднее» (Археологическая карта Башкирии, 1976, № 1253, с. 147). М.И. Касьянов заложил на склоне южной площадки траншею (Юсупов, 1954, с. 68). Г.В. Юсуповым в 1953 г. на городище заложены три разведочных шурфа размером 1×1 м, а в 1954–1955 гг. – четыре раскопа общей площадью 116 м² (Юсупов, 1954, с. 68; 1956б, с. 88–89; 1959, с. 64–72). В 1975 г. В.А. Ивановым был прорезан вал и ров городища (Иванов, 1976, с. 7; Васильев, Иванов, 1976, с. 161). В 1979 г. А.Х. Пшеничнюком заложено два раскопа (общая площадь 112 кв. м) (Пшеничнюк, 1979; 1983, с. 81–89). В 1990 г. памятник осмотрен А.Х. Пшеничнюком (Пшеничнюк, 1990), в 2000, 2008 и 2011 гг. В.В. Овсянниковым и И.Х. Каюмовым (Овсянников, 2009а, Каюмов, 2011, с. 11–13, 55–58). Всего в разные годы было исследовано примерно 350 кв. м, что составляет 1,6% от оценочной площади памятника.

Раскопки городища показали, что культурный слой богат зольниками. Зольная полоса тянется непрерывно по всей границе памятника, обнажаясь лишь на западной стороне (Юсупов, 1959, с. 64). В центре площадки культурный слой беднее, чем на краю склонов. Г.В. Юсуповым раскопан один производственный комплекс и два очага. Керами-

ческий материал относится к кара-абызской, позднеананьинской культурам и гафурийскому типу эпохи раннего железа. Г.В. Юсупов датировал городище VI–IV вв. до н. э., а А.Х. Пшеничнюк – IV–III вв. до н. э. (Пшеничнюк, 1983, с. 89).

В 2012 г. был произведен только визуальный осмотр площадки памятника с обзорной фотофиксацией. На поверхности найдено четыре фрагмента лепных глиняных сосудов с примесью песка и раковины в тесте. Основу хозяйства населения, оставившего Касьяновское городище, составляло скотоводство, так как, по материалам раскопок, кости мелкого рогатого скота превышают кости крупного рогатого скота в 4–5 раз (Пшеничнюк, 1973, табл. 6, с. 212).

Курмантау-7, местонахождение

Памятник выявлен в 2012 г. Местонахождение расположено на мысовидной возвышенности правого берега р. Белой, на западном склоне горы Михайловская и селища Курмантау-5 (Курмантаевское селище), в 0,2 км к югу – юго-западу от вершины горы Михайловская, в 0,2 км к северу от городища Курмантау-6 (Касьяновское городище), в 1,8 км к востоку от правого берега р. Белой, в 2,5 км к югу – юго-западу от с. Курмантау и в 7,7 км к юго-западу от с. Бурлы Гафурийского района. Площадка мыса размером 50×30 м хорошо задернована, раньше она распаивалась (имеются следы от борозд) (рис. 14). Через площадку мыса проходит полевая дорога (гора Михайловская – с. Курмантау).

Во время визуального осмотра возвышенностей вокруг городища Курмантау-6 и селища Курмантау-5 в 2012 г. были обнаружены грабительские ямы на соседнем мысу. Самая крупная яма прямоугольной формы и размером 4×2 м хорошо задернована. Судя по задерновке поверхности, она сделана давно. Возможно, это поисковая траншея 1950–1970-х гг., не вошедшая в научные отчеты. На ее поверхности в 2012 г. найдена стенка бронзового котла (рис. 15: 8). На поверхности площадки мыса с помощью металлодетектора собран подъемный материал: бронзовая выпуклая бляшка овальной формы с отломанным ушком на обороте, цельнолитая (рис. 15: 3); круглая ружейная пуля XVII–XVIII вв. калибром 1,2 см (рис. 15: 9); бронзовый наконечник стрелы трехлопастной, с внутренней втулкой (рис. 15: 2).

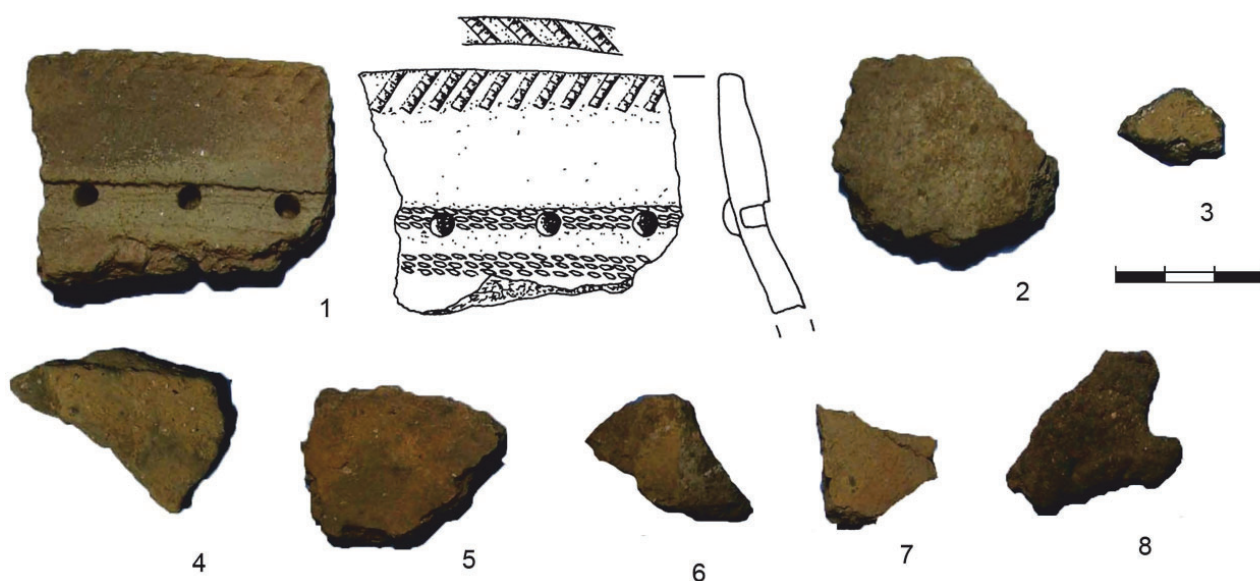

Рис. 12. Археологические находки с селища Курмантау-5:
1 – венчик лепного сосуда; 2–8 – стенки лепных сосудов; керамика
Fig. 12. Archaeological finds from Kurman-Tau-5 settlement:
1 – hand-made vessel rim; 2–8 – walls of hand-made vessels; ceramics

Для определения типа обнаруженного памятника и мощности культурного слоя на площадке мыса было заложено два шурфа размером 1×1 м, ориентированных по сторонам света (рис. 14). В дерновом слое шурфа № 1 найдены две бронзовые стенки котлов размером (рис. 15: 6, 7), а на горизонте 1 (0–20 см) в слое супеси венчик бронзового котла (рис. 14: 4), стенка бронзового котла (рис. 14: 5), бронзовые сплески металла (рис. 14: 10–11), фрагмент железного предмета (рис. 14: 6), кость животного, бронзовый наконечник стрелы трехлопастной, с внутренней втулкой, с отверстием (рис. 15: 1). На горизонте 2 (20–40 см) найден железный предмет неизвестного назначения в виде полукруглой тонкой пластины (рис. 15: 12). В шурфе № 2 находки отсутствовали.

Бронзовые наконечники стрел аналогичного типа датируются IV–III вв. до н. э. Венчики и стенки бронзовых котлов, вероятнее всего, связаны с кочевниками Южного Урала и датируются этим же временем. Бронзовая бляшка с ушком на обороте имеет широкие аналогии как в сарматских памятниках, так и в ананьинской и кара-абызской культурах эпохи раннего железа, поэтому ее датировка затруднена. В целом обнаруженные археологические предметы имеют прямые аналогии в расположенных рядом от местонахождения Курмантау-7 поселенческих памятниках (селище Курмантау-5 и городище Курмантау-6). Таким образом, тип выявленного объекта культурного наследия «Курмантау-7» пока не выяснен, необходимо проведение археологических раскопок на памятнике. Объект пред-

Таблица 4. Спектральный анализ сплесков металла с селища Курмантау-5 (селище Курмантау), выполненный в химической лаборатории Челябинской геолого-съёмочной экспедиции (%)

Table 4. Spectral analysis of metal splashes from the Kurman-Tau-5 settlement (Kurman-Tau settlement), conducted in the chemical laboratory of the Chelyabinsk Geological Survey expedition (%)

Памятник	Обр.		Ni	Co	Cr	Mn	V	Ti	Cu	Zn	Pb	Ag	As	Bi	Mo	Ba	Sn	Sb
Курмантау-5	2233	шлак	0,02	0,003	0,01	0,05	0	0,05	>>1	0,02	0,5	>>0,003	0,1	0,015	nd	0,015	>0,3	0,07
Курмантау-5	2234	медь	0,015	0,007	0,003	0,3	0,003	0,1	>>1	0,02	0,15	>0,003	0,05	0,005	nd	0,03	>0,3	0,015
Курмантау-5	2235	медь	0,007	0,003	0,007	0,07	0	0,05	>>1	0,007	0,1	>0,003	0,1	0	nd	0,015	0,03	0,003
Курмантау-5	2236	медь	0,03	0,003	0,007	0,05	0	0,05	>>1	0,01	0,07	>0,003	0,07	0,015	nd	0,01	>0,3	0,02

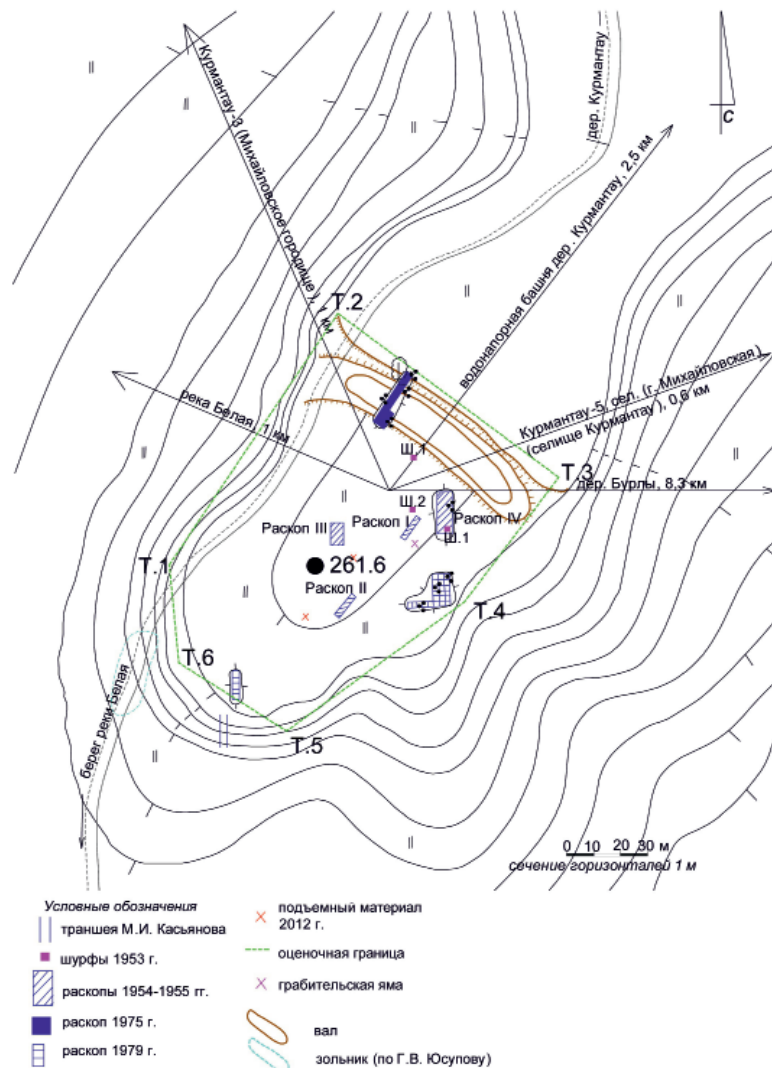

Рис. 13. Топографический план городища Курмантау-6.

Авторы – А.Х. Пшеничнюк (1983), И.Х. Каюмов (2011), С.Л. Воробьева (2012)

Fig. 13. Topographic plan of the Kurman-Tau -6 hillfort by A.Kh. Pshenichnyuk (1983), I.Kh. Kayumov (2011), S.L. Vorobyeva (2012)

варительно был определен как «местонахождение».

Курмантау-8/9, металлургическая площадка.

В ходе осмотра террас вдоль правого берега р. Белой в 2012 г. в 1 км к юго-западу от с. Курмантау были выявлены, как казалось на тот момент, два разных поселения эпохи раннего железа – Курмантау-8 и Курмантау-9, расположенных в 250 м друг от друга (рис. 15). На площадках памятников, в шурфах и в обрыве берега собран подъемный материал: скребло для обработки шкуры⁴ из песчаника (рис. 17: 1); верхняя часть лепного глиняного сосуда с орнаментом, с примесью крупнозернистого песка, с гладкой поверхностью, орнаментирована линиями в виде решетки

(рис. 17: 2); стенка лепного сосуда с орнаментом, с примесью крупнозернистого песка, с шероховатой поверхностью, орнаментирована ямкой и резной линией (рис. 17: 3); верхняя часть лепного глиняного сосуда с орнаментом, с примесью органики в тесте, с гладкой поверхностью, орнаментирован линиями и треугольными наколами (рис. 18: 1); стенки лепных сосудов без орнамента, с примесью крупнозернистого песка в тесте, с шероховатой поверхностью, красноглиняные; венчик лепного сосуда с орнаментом, с примесью крупнозернистого песка в тесте, с шероховатой поверхностью, черноглиняная (рис. 18: 2), обожженная кость животного. Курмантау-8 было датировано по материалу (запесоченные стенки сосудов и орнамент на одной

Рис. 14. Топографический план местонахождения Курмантау-7. Автор – С.Л. Воробьева

Fig. 14. Topographic plan of Kurman-Tau-7 locality by S.L. Vorobyeva

из стенок) кара-абызской культурой эпохи раннего железа, а Курмантау-9 – культурой курмантау эпохи финальной бронзы – раннего железа и кара-абызской культурой эпохи раннего железа.

В 2013 г. на коренной террасе рядом с выявленными поселениями обнаружено около 160 грабительских ям. Ямы расположены на коренной возвышенности правого берега р. Белой, на площадке размером 220×275 м. Размеры ям – от 20×20 см до 50×50 см. Судя по задернованности поверхности грабительских ям, они были сделаны в большинстве своем осенью 2012 г. – весной 2013 г. Имеются и старые, хорошо задернованные и покрытые свежей растительностью ямы. В заполнении ям найдены предметы эпохи бронзы и раннего железа: серп широкий пластинчатый с крючком на окончании – обломок, с закругленным

плоским концом (рис. 19: 1), сплески металла (рис. 19: 2, 4), обломок ножа или серпа (рис. 19: 2), заклепка котла, пинцет (рис. 19: 3), плоская пластина (рис. 19: 4), круглая выпуклая бляшка с ушком на обороте (рис. 19: 6), накладка на пояс четырехсоставная, с двумя ушками на обороте (рис. 19: 7), наконечник стрелы, трехлопастной, с внутренней втулкой и отверстием на одной из граней (рис. 19: 8); нож с одним острым краем, треугольного сечения (рис. 19: 9).

Среди найденных изделий датирующими могут быть: обломок бронзового серпа срубной культуры (рис. 19: 1), поясная накладка (рис. 19: 7), заклепка бронзового котла и бронзовый трехлопастной наконечник стрелы (рис. 19: 8) эпохи раннего железа.

В 2014 г. на площадке в ходе археологических раскопок на этой площадке было вскры-

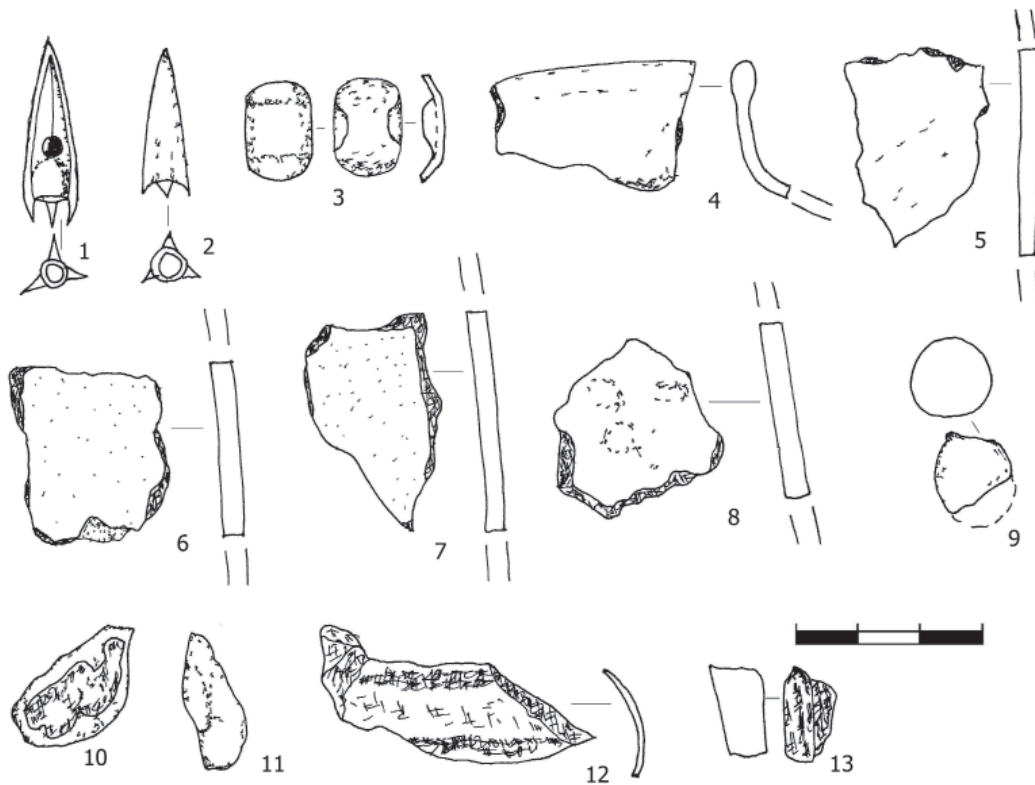

Рис. 15. Археологические находки с местонахождения Курмантау-7:

1, 2 – наконечники стрел; 3 – бляшка; 4 – венчик котла; 5–8 – стенки котлов; 9 – гильза; 10, 11 – сплески металла; 13 – кость животного; 12 – фрагмент предмета; 1–8, 10, 11 – бронза; 9 – металл; 12 – железо; 13 – кость

Fig. 15. Archaeological finds from the Kurman-Tau-7 locality:

1, 2 – arrowheads; 3 – badge; 4 – caldron rim; 5–8 – caldron walls; 9 – sleeve; 10, 11 – metal splashes; 13 – animal bone; 12 – fragment of an object; 1–8, 10, 11 – bronze; 9 – metal; 12 – iron; 13 – bone

то 186 кв. м². По результатам работ выделено три археологических слоя:

Слой абашевской культуры эпохи бронзы. Зафиксирован на участке памятника вдоль берега р. Белой. Он связан со временем освоения площадки. В квадрате 2×2 м на глубине 15 см от поверхности зафиксирован развал лепного сосуда с орнаментом абашевской культуры эпохи бронзы, зернотерка из песчаника (рис. 20).

Слой культуры курмантау эпохи поздней бронзы – раннего железа. Зафиксирован на всей площадке памятника, на глубине от 25 до 40 см от поверхности. Найдены мелкие кальцинированные кости животных, сплески металла и шлаки, стенки лепных сосудов, тигель, кремневые отщепы и кресала (рис. 21: 2, 3). Датируется не позже V в. до н. э.

Слой кара-абызской культуры эпохи раннего железа. На глубине от поверхности до 25 см найдены мелкие кальцинированные кости животных, сплески металла и шлаки, сердеч-

ник для литейной формы кельта, бусина – подвеска гиревидной формы, бисер, молоток для измельчения металлической поверхности из кварцито-песчаника, камень для заточки металлических инструментов из яшмы, фрагменты неорнаментированных стенок лепных сосудов (рис. 21: 1, 4–5). Датируется IV–III вв. до н. э.

К этому же слою относится жертвенный комплекс, раскопанный на площадке: под слоем дерна был найден воткнутый в землю железный наконечник копья – кавалерийская пика. Рядом найдены железный поясной крючок с орнаментированным щитком (кошачий хищник в сидячей позе) и железный нож (рис. 22–23).

Стратиграфические данные свидетельствуют о том, что между слоем культуры курмантау и кара-абызской культуры имеется стерильный тонкий слой нанесенного мелкого галечника, который мог образоваться в результате схода с вершины горы (полевые данные В.Е. Приходько).

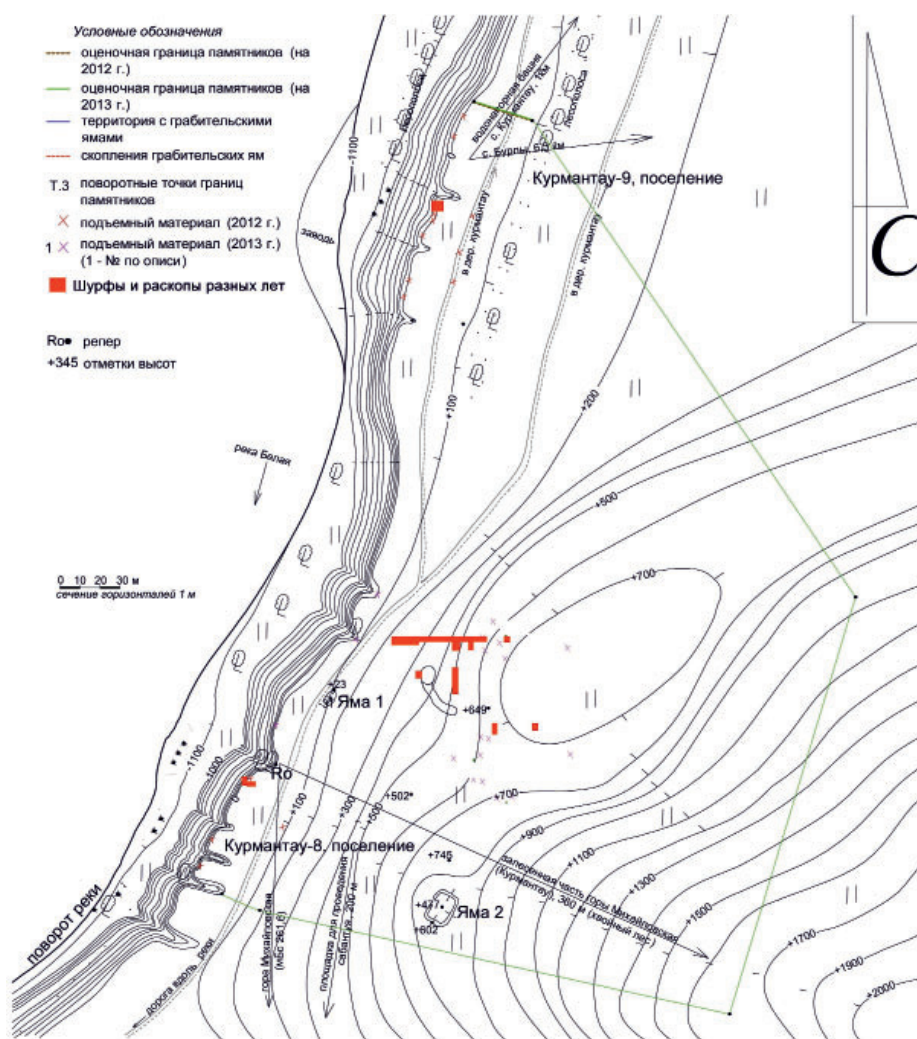

Рис. 16. Топографический план металлургической площадки Курмантау-8/9. Автор – С.Л. Воробьева
Fig. 16. Topographic plan of the metallurgical place Kurman-Tau -8/9 by S.L. Vorobyeva

Данные спектрального анализа бронзовых сплесков и шлаков, полученные старшим научным сотрудником Уральского отделения Российской Академии наук С.А. Григорьевым (г. Челябинск), свидетельствуют о том, что население практиковало металлообработку. Анализ остеологического материала А.А. Романовым показал, что характер, степень раздробленности и количество дробленого остеологического материала, наличие большого количества мелких кальцинированных костей (1307) позволяют предположить, что на памятнике производилась целенаправленная заготовка костяного угля.

Результаты спорово-пыльцевого анализа отложений разреза, проведенные Р.Г. Курмановым, показали, что полученные спектры характеризует опушку мелколиственно-широколиственного леса, но отмечено, что в период формирования отложений из верхних слоев

(слой кара-абызской культуры) увеличивались площади открытых луговых пространств.

В фондах Национального музея Республики Башкортостан хранится коллекция бронзовых и железных предметов (455 ед. хр.), происходящих, вероятнее всего, с данного памятника⁶. Среди этих предметов есть бронзовые височные подвески пьяноборской и кара-абызской культур, обломки бронзовых котлов, обломки бронзовых гривен, заготовки бронзовых украшений (бляшки, подвески, обоймы и т. д.), бронзовые сплески металлов и железные ножи. Только эта коллекция свидетельствует о существовании площадке Курмантау-8/9 мощного металлургического комплекса эпохи раннего железа.

Курмантау-10, поселение (Михайловское поселение).

Поселение расположено на высокой (10 м) коренной террасе правого берега р.

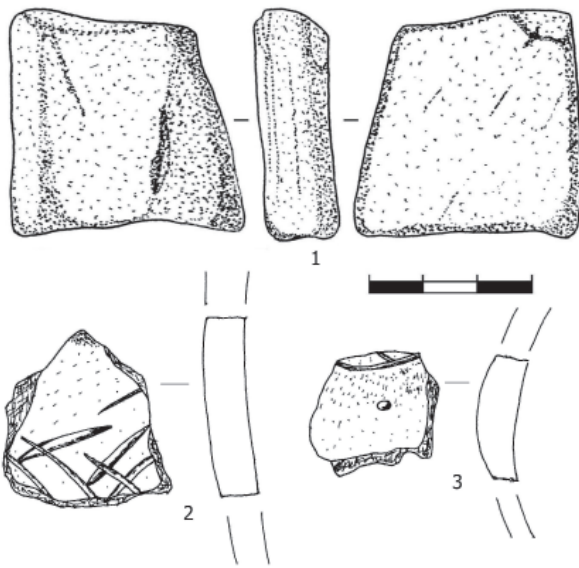

Рис. 17. Археологические находки 2012 г. с металлургической площадки Курмантау-8/9:
1 – верхняя часть лепного сосуда; 2 – венчик лепного сосуда; керамика
Fig. 17. Archaeological finds in 2012 from the metallurgical place Kurman-Tau -8/9:
1 – the upper part of a hand-made vessel; 2 – hand-made vessel rim; ceramics

Белой, на мысу, образованном с севера оврагом, а с юга – ложбиной, через которые проходит полевая дорога вдоль берега из с. Курмантау. С запада мыс ограничен поймой реки Белой, которая в этом месте делает поворот на запад. Памятник находится в 100 м к юго-востоку от правого берега р. Белой, в 1,2 км к юго-западу от вершины горы Михайловская (селище Курмантау-5), в 2,6 км к юго-западу от с. Курмантау и в 8,5 км к юго-западу от с. Бурлы Гафурийского района Республики Башкортостан (рис. 24).

Памятник был обнаружен В.А. Ивановым в 1975 г. в ходе поисков стоянки Курмантау-2 (стоянка им. М.И. Касьянова) и назван им «Михайловское поселение» (Иванов, 1976, с. 6). Информация о новом объекте не вошла ни в один реестр археологических памятников. В.А. Ивановым на площадке поселения было заложено восемь шурфов, один из которых расширен до раскопа площадью 24 кв. м. В ходе работ обнаружена хозяйственная яма, нож ананьинского типа, костяное острие, фрагменты лепных сосудов гафурийского типа и кара-абызской культуры эпохи раннего железа. Верхней датой поселения В.А. Иванов считает IV в. до н. э. (Иванов,

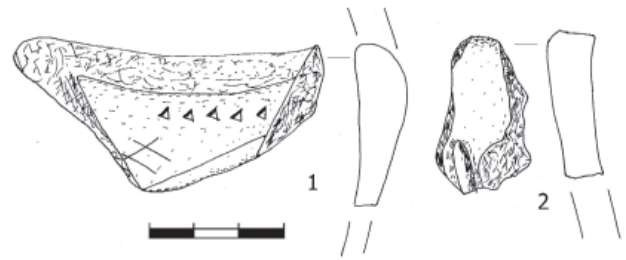

Рис. 18. Археологические находки 2012 г. с металлургической площадки Курмантау-8/9:
1 – скребло для обработки шкуры; 2, 3 – стенки лепных сосудов с орнаментом; 1 – камень; 2, 3 – керамика
Fig. 18. Archaeological finds in 2012 from the metallurgical place Kurman-Tau-8/9:
1 – scraper for skin processing; 2, 3 – walls of hand-made vessels with ornaments; 1 – stone; 2, 3 – ceramics

1976). По мнению автора, раскопками 1975 г. культурный слой памятника полностью исчерпан (Васильев, Иванов, 1976, с. 161). На момент обследования в 2012 г. объект находился в аварийном состоянии и практически разрушен береговой абразией и поздними постройками бывшей деревни Михайловка. Для установления возможной сохранившейся части поселения необходимо проведение дополнительных археологических работ.

Выводы

Результаты исследований 2012–2018 гг. в окрестностях горы Курман-Тау показали, что в эпоху раннего железа здесь существовал мощный металлургический комплекс, притягивавший к себе кочевников Южного Урала, что способствовало формированию на базе смешения лесного и степного населений носителей кара-абызской культуры.

Хозяйство носителей, оставивших описанные памятники, можно реконструировать следующим образом:

1. Заселение окрестностей горы Курман-Тау начинается, вероятнее всего, в эпоху бронзы (конец III тыс. до н. э. – II тыс. до н. э.), о чем свидетельствует абашевская керамика, найденная на металлургической площадке Курмантау-8/9 и алакульская керамика из раскопок с Курмантаевского городища. В эпоху бронзы нижняя терраса была заболочена, присутствует луговая и степная растительность, незначительная антропогенная нагрузка. В это время, вероятнее всего, население вело оседлый образ жизни, основу

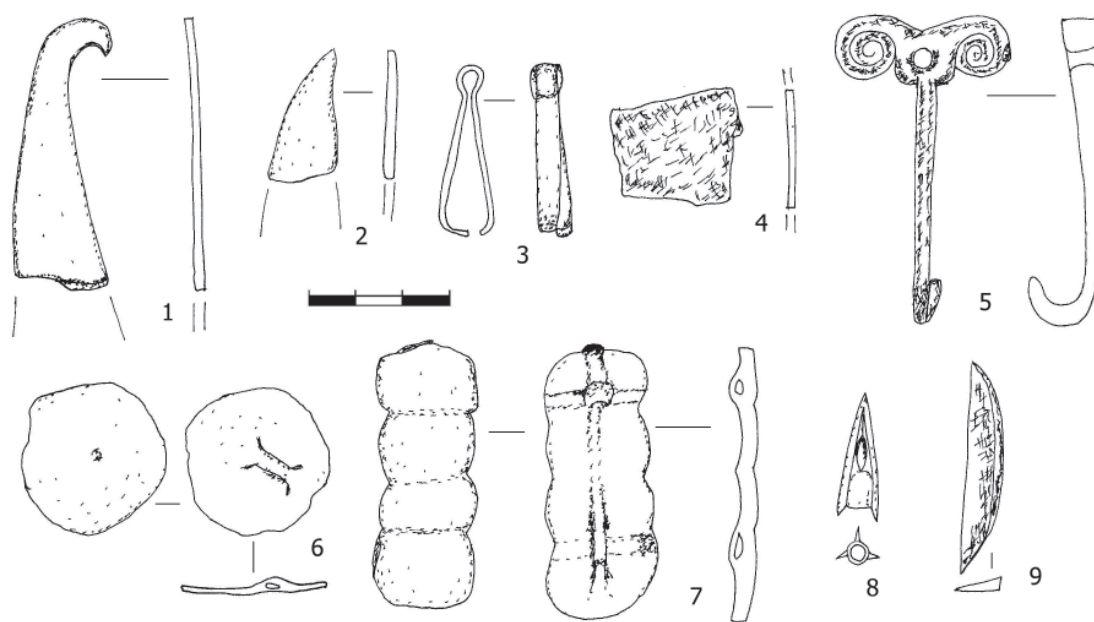

Рис. 19. Археологические находки 2013 г. с металлургической площадки Курмантау-8/9:

1 – фрагмент серпа; 2 – фрагмент предмета неизвестного назначения; 3 – пинцет; 4 – пластина; 5 – крючок; 6 – круглая бляшка с ушком на обороте; 7 – накладка на пояс с двумя петлями на обороте; 8 – наконечник стрелы; 9 – нож; 1–3, 6–8 – бронза; 4–5, 9 – железо.

Fig. 19. Archaeological finds in 2013 from the metallurgical place Kurman-Tau-8/9: 1 – fragment of a sickle; 2 – fragment of an object of unknown purpose; 3 – tweezers; 4 – plate; 5 – hook; 6 – round plaque with an ear on the back; 7 – belt mount with two loops on the back; 8 – arrowhead; 9 – knife; 1–3, 6–8 – bronze, 4–5, 9 – iron.

рациона составляло мясо крупного рогатого скота и свиньи.

2. Следующим этапом заселения данной территории является слой культуры курмантау, датируемый VII–V вв. до н. э.: стоянка им. М.И. Касьянова, металлургическая площадка Курмантау-8/9. В керамическом материале

кара-абызских поселений прослежена преемственность между культурой курмантау и кара-абыз. Так, в нижних слоях Курмантаевского городища имеется керамика культуры курмантау, а на металлургической площадке Курмантау-8/9 население в курмантауское и кара-абызское время занимались металлоо-

Рис. 20. Археологические находки 2013 г. с металлургической площадки Курмантау-8/9:

1 – зернотерка; 2 – фрагмент сосуда; 1 – песчаник; 2 – керамика.

Fig. 20. Archaeological finds in 2013 from the metallurgical place Kurman-Tau-8/9:

1 – quern; 2 – vessel fragment; 1 – sandstone, 2 – ceramics

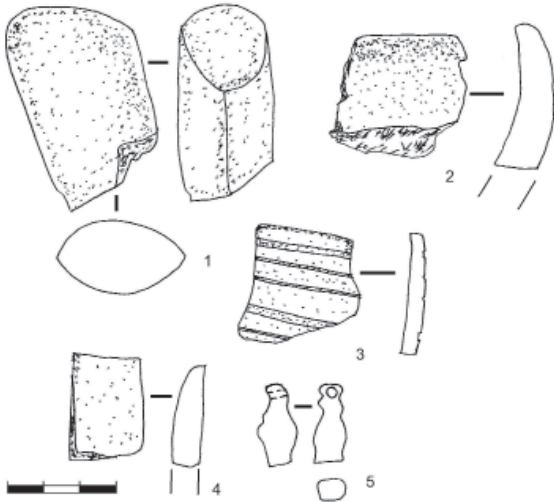

Рис. 21. Археологические находки 2013 г. с металлургической площадки Курмантау-8/9: 1 – сердечник; 2 – тигель; 3, 4 – венчики сосудов; 5 – бусина; 1–4 – керамика; 5 – стекло.

Fig. 21. Archaeological finds in 2013 from the metallurgical place Kurman-Tau -8/9: 1 – core; 2 – crucible; 3, 4 – vessel rims; 5 – bead; 1–4 – ceramics; 5 – glass.

работкой. На большинстве поселенческих кара-абызских памятников встречена керамика культуры курмантау. Но на сегодняшний день не известно ни одного погребения, связанного с памятниками культуры курмантау. В период культуры курмантау (VII–V вв. до н. э.) преобладают лесные ландшафты, распространены липовые деревья. Основу хозяйства составляло молочно-мясное скотоводство (стойловое скотоводство): мясо крупного рогатого скота, лошади и свиней было основным в рационе питания при совсем незначительном количестве мяса мелкого рогатого скота. Население в этот период занималось металлообработкой, отливкой предметов, вероятнее всего, для этого процесса заготавливали кости животных.

3. К раннему кара-абызскому этапу (V–IV вв. до н. э.) относятся городища Касьяновское и нижний слой городища Курмантау. Именно в этот период формирующееся раннее кара-абызское население осваивает долину

Рис. 23. Археологические находки 2014 г. с металлургической площадки Курмантау-8/9: 1 – наконечник копья; 2 – нож; 3 – крючок (поясной или колчаный?); железо.

Fig. 23. Archaeological finds in 2014 from the metallurgical place Kurman-Tau-8/9: 1 – spearhead; 2 – knife; 3 – hook (belt or quiver?); iron.

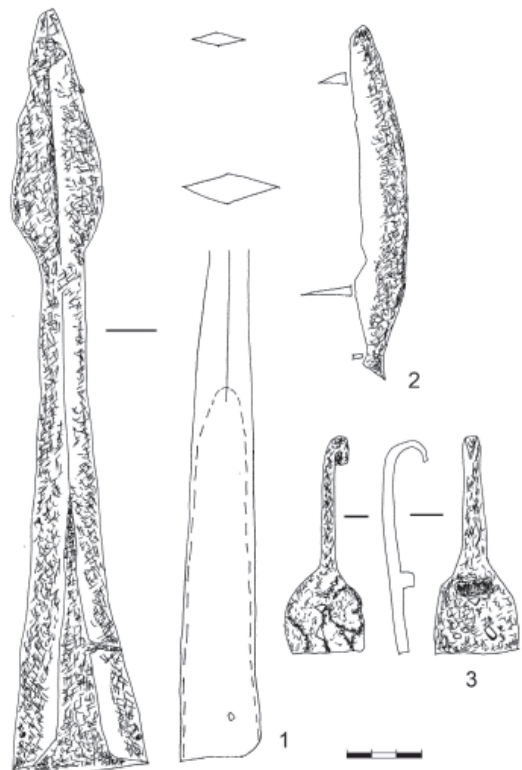

Рис. 22. Фото расположения жертвенного комплекса на раскопе 2014 г. металлургической площадки Курмантау-8/9.

Fig. 22. Photo of the location of the sacrificial complex at the 2014 excavation of the metallurgical place Kurman-Tau-8/9.

р. Белой до границ современного Гафурийского района.

4. С появлением на поселениях керамики гафурийского типа с примесью талька в тесте в V–IV вв. до н. э. происходит изменение климата – ирридизация степи: увеличиваются степные ландшафты и антропогенная нагрузка на территорию. Основным хозяйством было отгонное скотоводство: в рационе питания значительную долю играло мясо мелкого рогатого скота (кости крупного рогатого скота

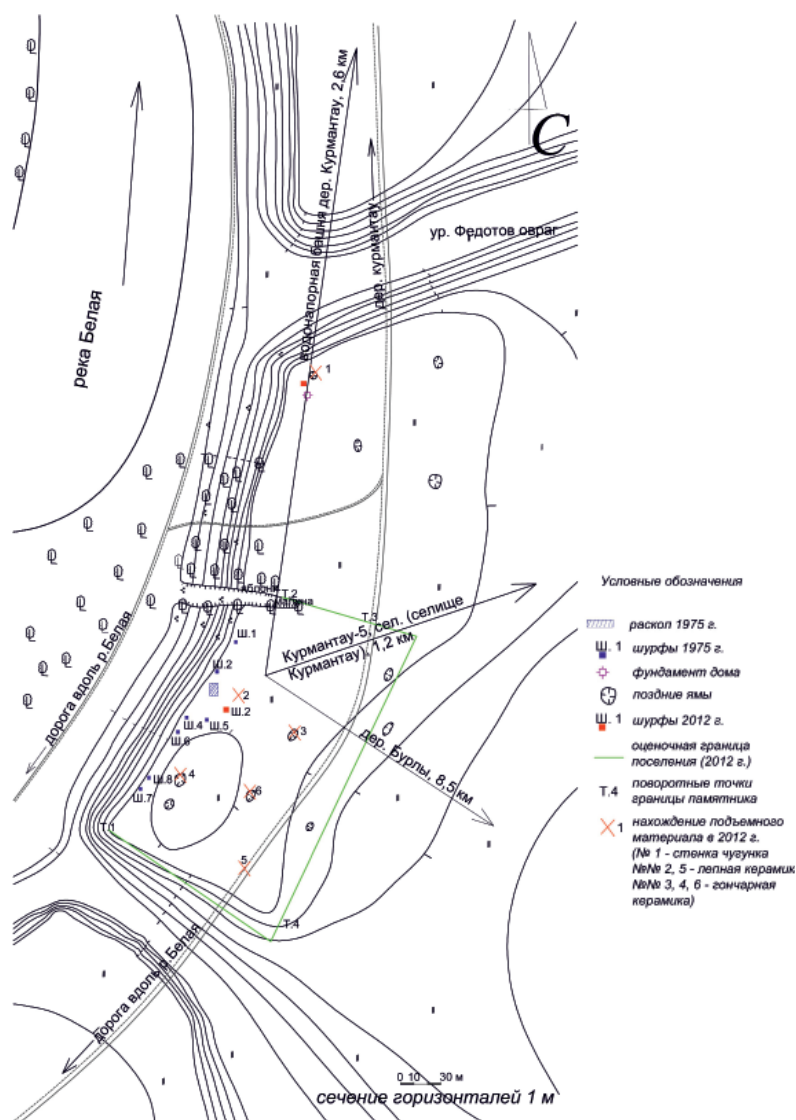

Рис. 24. Топографический план поселения Курмантау-10. Автор – С.Л. Воробьева.

Fig. 24. Topographic plan of Kurman-Tau-10 settlement by S.L. Vorobyeva.

отсутствуют). По характеру костных останков («крупные» и «средние» фрагменты преобладают) можно судить о том, что население не испытывало дефицита в мясе. Вспомогательную роль играла охота на пушных зверей. Следы рыболовства не зафиксированы. Население в этот период занималось металлообработкой, отливкой предметов, вероятнее всего, для этого процесса заготавливали кости животных.

Тесное соседство носителей культуры курмантау и раннего кара-абызского населения на южном ареале их обитания в районе горы Курман-Тау с кочевниками, обитавшими на противоположном берегу р. Белой (ближайшие памятники расположены напротив горы Курман-Тау – Нагадакские, Лекандинские курганы), привело к постепенному формиро-

ванию кара-абызской культуры, что проявилось в изменении керамического комплекса и всего хозяйственного уклада населения (от более оседлого образа жизни к полукочевому скотоводству).

5. Постепенно с увеличением доли керамики с примесью раковины в тесте на поселениях происходит увеличение площадей лесных массивов, степень антропогенной нагрузки на территорию, связанной с вытаптыванием, продолжает расти. Основным хозяйством населения также было скотоводство: в рационе питания значительную долю составляло мясо мелкого рогатого скота, лошади, присутствует малое количество костей крупного рогатого скота. По характеру костных останков можно судить о том, что население испытывало дефицит в мясе. Вспомогательную

роль играла охота на пушных зверей и рыболовство, о чем говорят не только кости рыб, но и каменное грузило, которое могло использоваться в рыбной ловле. Занимались металлообработкой.

Судя по находкам с территории горы Курман-Тау, металлургическая площадка перестала функционировать на рубеже эр. Существование мощного металлургического

комплекса на горе Курман-Тау способствовало заселению округи небольшими поселками, которые, вероятнее всего, и обеспечивали металлургов питанием. По всей видимости, с угасанием металлургического комплекса, связанного с изменением климата, угасли и соседние поселения и городища. Основной расцвет городищ и поселений горы Курман-Тау приходится на IV–II вв. до н. э.

Примечания:

¹ Автор выражает всем перечисленным исследователям огромную благодарность за проведенные анализы полученного материала.

² Памятники горы Курман-Тау названы без дефиса – «курмантау», так как название давалось по селу Курмантау.

³ Номера даны С.А. Григорьевым.

⁴ Определение кремневых предметов сделано к.и.н., с.н.с. отдела археологических исследований Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН В.Г. Котовым.

⁵ Ввиду большого объема полученного материала для данного памятника требуется отдельная публикация.

⁶ Автором данная коллекция готовится к отдельной публикации.

ЛИТЕРАТУРА

Археологическая карта Башкирии / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Наука, 1976. 262 с.

История культуры Башкортостана (Комплект научных и учебных материалов) / Археологические памятники Башкортостана. Вып 6 / Отв. ред. Ю.А. Морозов. Уфа: Гилем, 1996. 280 с.

Васильев И.Б., Иванов В.А. Работы в Башкирской АССР // АО –1975 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1976. С. 161.

Васильев И.Б., Обыденнов М.Ф. Работы в Приуралье // АО – 1976 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1977. С. 133.

Васильев И.Б., Иванов В.А., Обыденнов М.Ф. Итоги исследований стоянки им. М.И. Касьянова в Гафурийском районе БАССР // Бронзовый век Южного Приуралья / Отв. ред. М.Ф. Косарев. Уфа: Башкирский пединститут, 1985. С. 21–40.

Воробьева С.Л. Историко-культурный потенциал археологического микрорайона горы Курмантау (по итогам работ 2012 и 2013 гг.) // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых / Отв. ред. А.Т. Ахатов. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2013. С. 52–60.

Воробьева С.Л. Селище Курмантау – металлургический комплекс эпохи раннего железа // Международная полевая школа в Болгаре / Отв. ред. А.Г. Ситдииков. Казань, Болгар, 2014. С. 26–33.

Воробьева С.Л. Результаты археологических исследований 2013 года на Курмантаевском городище эпохи раннего железа // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017. № 4 (49). С. 101–113.

Воробьева С.Л. Металлургический комплекс горы Курмантау эпохи раннего железа: результаты исследования 2012–2014 гг. // Международная научная конференция «Новое в исследованиях раннего железного века Евразии: проблемы, открытия, методики»: тезисы докладов / отв. ред. А. А. Малышев. М.: МАКС Пресс, 2018а. С. 40–41.

Воробьева С.Л. Палинологическое исследование металлургической площадки эпохи поздней бронзы – раннего железа Курмантау-8/9 // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы XII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых / Отв. ред. Э.В. Камалеев. Уфа: ИЭИ УФИЦ РАН, 2018б. С.34–38.

Воробьева С.Л. Кара-абызская культура, ранний этап. Гафурийский и убаларский типы // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ. ред. А.Г. Ситдиикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: АН РТ, 2021. С. 288–312.

Воробьева С.Л. Археологический микрорайон горы Курмантау в сложении и развитии кара-абызской культуры лесостепи Южного Приуралья // XXII Уральское археологическое совещание: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 300-летию первых археологических раскопок в Сибири и 85-летию со дня рождения Тамилы Михайловны Потемкиной (Курган, 21–25 ноября 2022 г.) / Отв. ред. Д. Н. Маслюженко. Курган: КГУ, 2022. С. 167–170.

Иванов В.А. Научный отчет 1975 г. Уфа, 1976. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 1643.

Каюмов И.Х. Научный отчет о результатах инвентаризации памятников археологии в Гафурийском районе Республики Башкортостан в 2011 г. В 2 томах. Том 1-2. Уфа, 2011 // Архив ИИЯЛ УФИЦ РАН.

Овсянников В.В. Отчет об археологических разведках в Гафурийском и Архангельском районах Республики Башкортостан в 2008 г. Уфа, 2009а // Архив ИИЯЛ УФИЦ РАН.

Овсянников В.В. Кара-абызская культура (V в. до н. э. – IV в. н. э.) // История Башкирского народа: в 7 т. Т. 1 / Гл. ред. М. М. Кульшарипов. М.: Наука, 2009б. С. 223–245.

Пшеничнюк А.Х. К вопросу о керамике кара-абызских поселений // АЭБ. Т. III / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФ АН СССР, 1968. С. 93–100.

Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население Центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Т. V / Под ред. Н.В. Бикбулатова, Р.Г. Кузеева, Н.А. Мажитова. Уфа: БФ АН СССР, 1973. С. 162–243.

Пшеничнюк А.Х. Научный отчет о раскопках поселений в Гафурийском районе и разведках по трассе строительства железной дороги Ново-Мурапталово-Оренбург. Уфа, 1979 // НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2а. Д. 36. 75 л.

Пшеничнюк А.Х. Научный отчет о раскопках поселений в Гафурийском районе БАССР и разведках по трассе строительства железной дороги Ново-Мурапталово-Оренбург за 1980 г. Уфа, 1980 // Архив учебной археологической лаборатории УУНиТ. Ф. 6. Д. 21.

Пшеничнюк А.Х. Новые материалы с поселений Гафурийского района // Поселения и жилища древних племен Южного Урала / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк, В.А. Иванов. Уфа: БФАН СССР, 1983. С. 77–103.

Талицкая И.А. Материалы к археологической карте бассейна р. Кама (по данным, собранным М.В. Талицким // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. IV / МИА. № 27. М.: АН СССР, 1952. 226 с.

Троицкая Т.Н. Альбомы зарисовок материалов археологических экспедиций за 1953-1954 гг. Уфа: БФАН СССР, 1954а // НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 288. 35 л.

Троицкая Т.Н. Альбомы зарисовок материалов археологических экспедиций за 1953–1954 гг. Уфа, 1954б // НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. 289. 29 л.

Троицкая Т.Н. Раскопки Михайловского городища в Башкирии // Башкирский археологический сборник / Ред. А.П. Смирнов, Р.Г. Кузеев. Уфа: б/и, 1959. С. 88–96.

Шокуров А.П. Отчет об археологической разведке летом 1954 г. в Гафурийском районе БАССР. Уфа, 1954 // НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 295, 296.

Юсупов Г.В. Отчет об археологических разведках, проведенных 2-9 сентября 1953 г. в Гафурийском районе БАССР. Уфа, 1953 // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 1107.

Юсупов Г.В. Отчет об исследовании археологического памятника Курман-Тау в Гафурийском р-не БАССР за 1954 г. Уфа, 1954 // НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 297.

Юсупов Г.В. Отчет Гафурийского отряда башкирской археологической экспедиции АН СССР. Уфа, 1955 // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 1246.

Юсупов Г.В. Древнейшие поселения Гафурийского района // Научный отчет об археологической экспедиции в Гафурийский район. Уфа, 1956а // НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 355.

Юсупов Г.В. Археологические разведки в Башкирии // КСИИМК. Вып. 64 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.: АН СССР, 1956б. С. 85–92.

Юсупов Г.В. Древнейшие поселения Гафурийского района // Башкирский археологический сборник / под ред. д-ра ист. наук А.П. Смирнова и канд. ист. наук Р.Г. Кузеева. Уфа: [б. и.], 1959. С. 58–87.

Информация об авторе:

Воробьева Светлана Леонидовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Национальный музей Республики Башкортостан (г. Уфа, Россия); sveta_legion@mail.ru

REFERENCES

Bader, O. N. (ed.). 1976. *Arheologicheskaya karta Bashkirii (Archaeological Map of Bashkortostan)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

- Morozov, Yu. A. 1996. (ed.). *Istoriia kul'tury Bashkortostana (Komplekt nauchnykh i uchebnykh materialov) (History of Culture of Bashkortostan (Set of Scientific and Educational Materials))*. Series: Arkheologicheskie pamiatniki Bashkortostana (Archaeological sites of Bashkortostan) 6. Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).
- Vasiliev, I. B., Ivanov, V. A. 1976. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1975 goda (Archaeological Discoveries of 1975)*. Moscow: "Nauka" Publ., 161 (in Russian).
- Vasiliev, I. B., Obydenov, M. F. 1977. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1976 goda (Archaeological Discoveries of 1976)*. Moscow: "Nauka" Publ., 133 (in Russian).
- Vasiliev, I. B., Ivanov, V. A., Obydenov, M. F. 1985. In Kosarev, M. F. (ed.). *Bronzovyi vek Iuzhnogo Priural'ia (Bronze Age of Southern Cis-Urals)*. Ufa: Bashkirian State Pedagogical Institute, 21–40 (in Russian).
- Vorobyeva, S. L. 2013. In Akhatov, A. T. (ed.). *Etnosy i kul'tury Uralo-Povolzhia: istoriia i sovremennost' (Ethnic Groups and Cultures of the Ural-Volga Region: History and Modernity)*. Ufa: Institute of Ethnological Studies of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 52–60 (in Russian).
- Vorobyeva, S. L. 2014. In Sitdikov, A.G. (ed.). *Mezhdunarodnaia polevaia shkola v Bolgare. (International Field School in Bolgar)*. Kazan; Bolgar: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov; Kazan (Volga Region) Federal University, 26–33 (in Russian).
- Vorob'eva, S.L. 2017. In *Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Bulletin of Surgut State Pedagogical University)* 49 (4), 101–113 (in Russian).
- Vorobyeva, S. L. 2018a. In Malyshev, A. A. (ed.). *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Novoe v issledovaniyakh rannego zheleznoogo veka Evrazii: problemy, otkrytiya, metodiki»: tezisy dokladov ("Recent in studies of the Early Iron Age in Eurasia: issues, discoveries, methods": abstracts)*. Moscow: "MAKS Press" Publ., 40–41 (in Russian).
- Vorobyeva, S. L. 2018b. In Kamaleev, E. V. (ed.). *Etnosy i kul'tury Uralo-Povolzhia istoriia i sovremennost' (Ethnic Groups and Cultures of the Ural-Volga Region: History and Modernity)*. Ufa: Institute of Ethnological Studies of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 34–38 (in Russian).
- Vorobyeva, S. L. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhesky, A. A. (eds.). *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences, 288–312 (in Russian).
- Vorobyeva, S. L. 2022. In Maslyuzhenko, D.N. (ed.). *XXII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (22nd Urals Archaeological Congress)*. Kurgan: Kurgan State University, 167–170 (in Russian).
- Ivanov, V.A. 1976. *Nauchnyy otchet 1975 g. (1975 scientific report)*. Ufa. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Fund 1, R-1, no. 1643 (in Russian).
- Kayumov, I. Kh. 2011. *Nauchnyy otchet o rezul'tatakh inventarizatsii pamyatnikov arkheologii v Gafuriyskom rayone Respubliki Bashkortostan v 2011 g. V 2 tomakh. (Scientific report on the results of the inventory of archaeological sites in the Gafuriyskiy district of Bashkortostan in 2011. In 2 volumes)*. Vol. 1–2. Ufa. Archive of the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Ovsyannikov, V. V. 2009a. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v Gafuriyskom i Arkhangel'skom rayonakh Respubliki Bashkortostan v 2008 g. (Report on archaeological reconnaissances in the Gafuriyskiy and Arkhangel'skoye districts of Bashkortostan in 2008)*. Ufa. Archive of the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Ovsyannikov, V.V. 2009b. In Kul'sharipov, M. M. (ed.-in-chief). *Istoriia bashkirskogo naroda: v 7 tomakh (History of the Bashkir People in 7 Volumes)* Vol. 1. Moscow: "Nauka" Publ., 223–245 (in Russian).
- Pshenichniuk, A. Kh. 1968. In Kuzeev, R. G. (ed.). *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* III. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 93–100 (in Russian).
- Pshenichniuk, A. Kh. 1973. In Bikbulatov, N. V., Kuzeev, R. G., Mazhitov, N. A. (eds.). *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* Vol. V. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 162–243 (in Russian).
- Pshenichnyuk, A. Kh. 1979. *Nauchnyy otchet o raskopkakh poseleniy v Gafuriyskom rayone i razvedkakh po trasse stroitel'stva zheleznoy dorogi Novo-Muraptalovo – Orenburg (Scientific report on the excavation of settlements in the Gafuriyskiy district and reconnaissances along the route of the Novo-Muraptalovo – Orenburg railway construction)*. Ufa. Scientific Archive of Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences. Fund 3. Inv. 2a. Dossier 36 (in Russian).

Pshenichnyuk, A. Kh. 1980. *Nauchnyy otchet o raskopkakh poseleniy v Gafuriyskom rayone BASSR i razvedkakh po trasse stroitel'stva zheleznoy dorogi Novo-Muraptalovo-Orenburg za 1980 g.* (Scientific report on the excavations of settlements in the Gafuriyskiy district of BASSR and reconnaissances along the route of the Novo-Muraptalovo – Orenburg railway construction in 1980). Ufa. Archive of the Educational archaeological laboratory of the Ufa University of Science and Technology. Fund 6. Dossier 21 (in Russian).

Pshenichnyuk, A. Kh. 1983. In Pshenichnyuk, A. Kh., Ivanov, V. A. (eds.). *Poseleniia i zhilishcha drevnikh plemen Iuzhnogo Urala* (Settlements and Dwellings of the Ancient Tribes of the Southern Ural). Ufa: Bashkirian Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 77–103 (in Russian).

Talitskaya, I. A. 1952. *Materialy k arkheologicheskoy karte basseyna r. Kama (po dannym, sobrannym M.V. Talitskim* (Materials for the archaeological map of the Kama River basin (according to the data collected by M.V. Talitsky)). Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area) Vol. IV. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 27. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Troitskaya, T. N. 1954a. *Al'bomy` zarisovok materialov arxeologicheskix e`kspeditsiy za 1953-1954 godov* (Sketchbooks of materials of archaeological expeditions 1953–1954). Ufa. Scientific Archive of Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences. Fund 3. Inv. 2. Dossier 288 (in Russian).

Troitskaya, T. N. 1954b. *Al'bomy zarisovok materialov arkheologicheskikh ekspeditsiy za 1953–1954 gg* (Sketchbooks of materials of archaeological expeditions for 1953–1954). Ufa. Scientific Archive of Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences. Fund 3. Inv. 2. Dossier 289 (in Russian).

Troitskaya, T. N. 1959. In Smirnov, A. P., Kuzeev, R. G. (eds.). *Bashkirskiy arkheologicheskii sbornik* (Bashkir Archaeological Collection of Papers). Ufa. 88–96 (in Russian).

Shokurov, A. P. 1954. *Otchet ob arkheologicheskoy razvedke letom 1954 g. v Gafuriyskom rayone BASSR* (Report on archaeological reconnaissance in 1954 summer in the Gafuriyskiy district BASSR). Ufa. Scientific Archive of Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences. Fund 3. Inv. 2. Dossier 295, 296 (in Russian).

Yusupov, G. V. 1953. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh, provedennykh 2-9 sentyabrya 1953 g. v Gafuriyskom rayone BASSR* (Report on archaeological reconnaissance conducted on September 2-9, 1953 in the Gafuriyskiy district BASSR). Ufa. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, dossier 1107 (in Russian).

Yusupov, G. V. 1954. *Otchet ob issledovanii arkheologicheskogo pamyatnika Kurman-Tau v Gafuriyskom r-ne BASSR za 1954 g.* (Report on the study of the archaeological sites of Kurman-Tau in the Gafuriyskiy district BASSR for 1954). Ufa. Scientific Archive of Ufa Research Centre of the Russian Academy of Sciences. Fund 3. Inv. 2. Dossier 297 (in Russian).

Yusupov, G. V. 1955. *Otchet Gafuriyskogo otryada bashkirskoy arkheologicheskoy ekspeditsii AN SSSR* (Report of the Gafuriyskiy detachment of the Bashkir Archaeological Expedition of the USSR Academy of Sciences). Ufa. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, dossier 1246 (in Russian).

Yusupov, G. V. 1956a. *Drevneyshie poseleniya Gafuriyskogo rayona. Nauchnyy otchet ob arkheologicheskoy ekspeditsii v Gafuriyskiy rayon* (The most ancient settlements of the Gafuriyskiy district. Scientific report on the archaeological expedition to the Gafury district). Ufa. Scientific Archive of Ufa Research Centre of the Russian Academy of Sciences. Fund 3. Inv. 2. Dossier 355 (in Russian).

Yusupov, G.V. 1956b. In Udal'tsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury* (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture) 64. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 85–92 (in Russian).

Yusupov, G. V. 1959. In Smirnov, A. P., Kuzeev, R. G. (eds.). *Bashkirskiy arkheologicheskii sbornik* (Bashkir Archaeological Collection of Papers). Ufa, 58–87 (in Russian).

About the Author:

Vorobyeva Svetlana L. Candidate of Historical Sciences. Bashkortostan National Museum, Sovetskaya str. 14, Ufa, 45008, Russian Federation; sveta_legion@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2023 г.
Статья принята к публикации 01.06.2023 г.